

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Стенограмма

**ОФШОРНАЯ ЭКОНОМИКА И
ДЕОФШОРИЗАЦИЯ В РОССИИ**

29 июня 2017 | Москва

МОДЕРАТОР:

Андрей Мовчан, директор экономической
программы Московского Центра Карнеги

Андрей Мовчан: Я думаю, ещё человека 3-4 в дороге, по крайней мере, я надеюсь, что они приедут. У нас все дороги тяжёлые, других не бывает. Давайте потихоньку начинать. Сегодня летний вариант круглого стола, обычно у нас собирается 25-30 человек. Сегодня, я думаю, у нас будет всего человек 20. Но зато — интересная тема. Сегодняшняя наша встреча посвящена теме офшорного и оншорного структурирования. Я могу сказать, чего бы я хотел и чего бы не хотел, на правах организатора этого стола и провайдера питания. Я бы точно не хотел разговора о том, как всё украли и вывели в офшор. Потому что это, хотя и верно, но скучно, и этим разговором полны самые разные издания. И я могу об этом поговорить, и фильмы об этом сняты, как известно, с огромными просмотрами и так далее. Вот о чём бы хотелось поговорить — это о том, что, во-первых, офшорное структурирование — это часть жизни, большая и важная. Очень интересно, как она устроена. Потому что каждая компания, каждое частное лицо представляет себе это по-своему, каждый чиновник представляет это себе немножко по-своему. Я сталкивался с самыми забавными вариантами, вплоть до того, как - только что я в кулуарах рассказывал — в УБЭП следователь по особо важным делам как-то вопросы мне задавал по поводу вещей, мимо меня проходивших на рынке. Как только я ему говорил: «Смотрите, здесь деньги пересекли границу», он мне отвечал: «О, тогда это меня больше не волнует, это не моя юрисдикция». А есть другие чиновники, есть люди, которые в налоговой сегодня, например, говорят: «Если мы получим информацию, всё, что больше пяти миллионов долларов, мы будем смотреть, а всё, что меньше — нас не волнует». В общем, очень интересно послушать, кто что знает, о том, как кто смотрит, где, и почему? У нас здесь есть люди из корпораций, из инвестиционных компаний, юристы, которые знают, как работают клиенты и так далее. Это первая тема. Вторая тема, которая меня очень сильно волнует, что это офшорное структурирование реальное даёт и чего не даёт. Я на рынке 26 лет, и всё это время я работаю с офшорами, и я отлично знаю, и готов спорить до хрипоты, что офшоры служат не для того, чтобы украсть деньги. Деньги воруются совершенно в другом месте, на другом этапе. В офшоры они случайно попадают иногда, а иногда не попадают. Офшоры служат совершенно для других вещей, и то, что до сих пор я, так сказать, уже немолодой человек, и все свои деньги держу тоже в офшоре, это тоже имеет некоторый смысл. И в этом я не очень похож на своих европейских коллег, которые даже не понимают, зачем это делать. Это тоже, мне кажется, важный вопрос. Здесь есть представители европейских компаний, в частности, можно и поговорить с ними. И третий, на мой взгляд, очень ценный и важный вопрос: «Московский Комсомолец» любит писать, что с офшорами ведётся борьба, я так сформулирую, если можно, и если у кого-то есть опыт внероссийский, как ведётся эта самая борьба с офшорами, очень интересно послушать, что из этого получается. Российский опыт тоже очень интересно послушать, потому что он разный. Не далее, как последние дни, и здесь в зале есть свидетели этого процесса, я беседую с разными юридическими компаниями, и с каждой новой юридической компанией прибавляется диаметрально противоположное ещё одно, новое мнение относительно того, как работает новый закон. Но все

сходятся на том, что если государство захочет, чтобы он работал прямо противоположным образом — он будет работать прямо противоположным образом. Тоже мнение больших юристов интересно, особенно потому что потом это всё пойдёт в стенограмму, и это будут читать ваши потенциальные клиенты; и не только ваши, но и мои тоже. И федеральная налоговая служба тоже, может: им иногда даже полезно это тоже почитать, потому что это отличная обратная связь для них. Ну и будущее, если кто-то захочет, я буду просто счастлив услышать, что будет с офшорами через 30 лет, как модно, наверное, сейчас говорить «с учётом появления биткоина». И опять же, если всё, что я сказал, скучно, а кто-то думает, что есть что-то более весёлое, то надо, конечно, говорить о том, что веселее. И единственное ещё раз: у меня просьба начать с того, что все представляется, и обычно мы это делаем по часовой стрелке.

Парамонов Дмитрий: Добрый вечер, коллеги, Парамонов Дмитрий, компания «ФБК Право», адвокат.

Калинин Сергей: Здравствуйте, адвокатское бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», Калинин Сергей, руководитель налоговой практики.

Иванян Георгий: Иванян Георгий, компания «Europe Finance», управление активами, финансовый инжиниринг, управляющий партнёр.

Степан Гузей: Степан Гузей, юридическая фирма «Lidings», адвокат.

Тафинцев Максим: Тафинцев Максим, адвокат, старший партнёр «Maalouf Ashford & Talbot».

Михаил Мотрич: С этой стороны одни юристы, Михаил Мотрич, «Монастырский Зюба Степанов и Партнёры», партнёр.

Алексей Карпенко: Алексей Карпенко, старший партнёр «Forward Legal».

Антонина Левашенко: Добрый день, Антонина Левашенко, руководитель Центра ОЭСР РАНХиГС, ну, в общем, эксперт ЦСР. Тот, кто старался отменить валютный контроль.

Александр Баунов: Александр Баунов, эксперт центра Карнеги и возглавляю его сайт.

Борис Брук: Борис Брук, советник налоговой практики компании «Dentons»

Анонимный Эксперт: Я вот как раз не юрист, экономист, руководитель налоговой практики.

Владимир Желтоногов: Я тоже не юрист, Владимир Желтоногов, компания «Ernst & Young».

Андрей Заякин: Я тоже не юрист, Андрей Заякин, сооснователь сообщества «Диссернет», журналист-расследователь, «Новая газета».

Артём Торчинский: Тоже не юрист, бывший финансист Артём Торчинский, раньше участвовал в сделках по IPO и по private placement, а теперь в Фонде борьбе с коррупцией группы Алексея Навального занимаюсь расследованием всяких махинаций.

Юля Кудрявцева: Тоже не юрист, Юлия Кудрявцева, Social Directory, Goetz Partners, Россия.

Владимир Матиас: Юрист по образованию, но не юрист, финансист, Goetz Partners, институциональный banking и корпоративные финансы, Германия.

Антон Поминов: Меня зовут Антон Поминов. Ну, вы уже, наверное, сами догадались, юрист я или нет, раз сижу на этой стороне. Я генеральный директор российского отделения «Transparency International».

Андрей Мовчан: Ну и наверно правильно будет сказать, что меня зовут Андрей Мовчан, я — директор экономической программы центра Карнеги. Не юрист по образованию и даже не финансист по образованию. Очень хорошо. Кто-нибудь хочет начать? Или предложить, с чего начать?

Торчинский: Я не собираюсь говорить, что офшоры — это плохо. Я веду свою практику с 2006-2008 года, когда мы пытались сделать первый IPO РАО ЕС. Выяснилось, что даже книжку заявок по российскому праву закрыть нормально невозможно, нужно заранее определять цену, или сделка между Базовым элементом и РАО ЕС по участку ГЭС закрывалась через Кипрский офшор, потому что соглашения акционеров тогда просто не было в российском праве, поэтому структурирование сделок через офшоры — абсолютно нормальная вещь. Дальше, если говорить про уход от налогов, то есть правило тонкой капитализации, которое вполне успешно работало и позволяло это всё хорошо регулировать. К сожалению, последние три года я совершенно не понимаю, что происходит, да и я этим не занимаюсь, поэтому скорее я с большим удовольствием послушаю вас, именно про практику офшоров.

Мовчан: А можно тут отступить?

Торчинский: Я просто хочу сказать тот тезис, что не нужно думать, что офшоры - это плохо, и нужно всё запретить. Такого нет. Это совершенно нормальный инструмент. И то, что даже наша вся верхушка использует офшоры, означает, что они не доверяют юридической и банковской системе Российской Федерации. Вот это уже плохо.

Мовчан: Я в какой-то момент хотел сделать блиц-опрос всех относительно того, чего не хватает нашему законодательству, чтобы перестать пользоваться офшорами, но, может быть, чуть попозже тогда.

Поминов: Я продолжу тогда то, что Артём сказал. Я бы просто разделил, на самом деле, две эти темы, которые Андрей упомянул: давайте не будем говорить, что украли, давайте будем говорить про экономический эффект. Я бы просто разделил на: офшоры как инструмент оптимизации налогообложения для настоящего бизнеса (в сторону отодвинули) — одна часть. И второе — это когда теми же правилами, которые для себя установили хорошие парни, просто бизнесмены, начинают пользоваться чиновники, которые украли деньги, криминал. Офшоры используются и для того, и для другого. Мне кажется, что две эти темы можно совершенно обсуждать отдельно.

Мовчан: Есть третья тогда тема. Это то, что мы говорили: офшоры, которые используются для того, чтобы усилить правовое поле, в котором работает компания.

Поминов: Конечно. Обязательно, естественно, не только налоги, но и административные аспекты работы, как бы администрирование бизнеса тоже туда же.

Анонимный эксперт: Я хотела привести практический пример несовершенства нашего законодательства, в принципе, который касается семейного права и защиты активов. Наверное, вы все знаете, что есть целый набор инструментов по иностранному праву: это частные фонды, трасты, которые используются как раз для вопросов, связанных с наследованием, семейным планированием, передачей бизнеса, и эти инструменты не только эффективны, с точки зрения законодательства, но и достаточно хорошо опробованы в судебной практике. Трасты имеют многолетнюю, в частности структуру защиты интересов бенефициарных собственников, и действительно сложилась очень большая практика, которая подтверждает эффективность данного инструмента. И, к сожалению, вот если как раз говорить о недостатках, чего нам не хватает по российскому законодательству, так это, конечно, один из хороших таких примеров того, что у нас по российскому законодательству, к сожалению, пока не работает. Потому что, действительно, если мы хотим сделать эффективный защищённый инструмент, который максимально даёт гибкость передачи активов по наследству и по которому можно определить условия передачи активов, конечно, вот такие иностранные инструменты пока имеют явное преимущество. И у нас есть попытки или некая работа, которая направлена на развитие российских инструментов, связанных с защитой активов и наследования. Но пока мы находимся в самом начале этого пути. Не знаю, насколько вы следите за этим направлением работы, наверное, тоже смотрели на последние идеи по законопроекту, можете прокомментировать то, насколько это эффективно.

Но почему я привела этот пример. Это — достаточно яркий пример того, почему российские состоятельные граждане используют иностранные инструменты. Они, как правило, создаются в юрисдикциях с английским правом, отдельные инструменты могут создаваться совместно в юрисдикциях с континентальным правом, но, тем не менее, это правовой инструмент, который позволяет учитывать все особенности семейного планирования. Пока у нас такого инструмента нет, конечно, вот такие виды структурирования будут применяться, и в этом плане, я бы сказала, что цель создания, например, траста в ситуации с передачей активов в семейный траст — это, как правило, не уклонение от уплаты налога, не оптимизация, а действительно вопрос, связанный с защитой активов и наследования. Это совершенно нормальный, принятый в большинстве стран, хороший инструмент.

Желтоногов: И ещё вот такой момент, а что вы понимаете под словом «офшор»? Вся заграница? Низконалоговая юрисдикция? Юрисдикция, которая обеспечивает максимум банковской тайны и сбережений? Юрисдикция, которая не обменивается информацией? Что понимается под словом офшором?

Мовчан: Отличный вопрос. И давайте, если можно, подошло ещё двое коллег наших, может, они представятся тогда, если можно? Просто у нас процедура такая: мы представляемся на микрофон, а потом уже все разговариваем.

Иван Кабулаев: Прекрасно, меня зовут Иван Кабулаев. Я — независимый аналитик. Нет, я финансист.

Александр Захаров: Здравствуйте, я Александр Захаров, независимый юрист, который, в общем-то, не связан ни какими политиками. Поэтому буду говорить, наверное, открытым образом.

Мовчан: Здорово. Но мы надеемся на всех. Хорошо. У нас на самом деле уже действительно пошёл блиц на тему о том, какие вещи можно было бы сделать в российском праве для того, чтобы офшоры были не так нужны. По-моему, это такая большая тема, которую лучше пройти сразу. Заодно мы создадим список и потом списком и опубликуем.

Комментарий: Этот разговор про трасты — очень хороший инструмент, но обеспечивает ли российский суд гарантию права собственности? Боюсь, что это будет превалировать: содержание важнее формы. И если у вас все активы выведены или даже в России структурированы через зарубежные компании, то зачем вам траст по российскому законодательству? И опять же, вопрос о судебной системе гораздо важнее, чем... Сергей Петров, в своё время, сказал, — была очень хорошая статья в Ведомостях — что это расстановка стульев на Титанике. Мне кажется, что это скорее ближе к этой опере.

Матиас: Да, абсолютно в точку вопрос, потому что в принципе, даже, может быть, не столь важно, что такое офшор, хотя мы понимаем, что это

определённая юрисдикция, которая позволяет совершать определённые действия. Это и защита собственности, это и налогообложение, и так далее. В западном понимании офшор, допустим, в тех же Соединённых Штатах, это скорее налогообложение: всякие Каймановы острова и так далее, которыми раньше они очень активно пользовались. Непосредственно в самих Соединённых Штатах есть офшорные зоны, причём не только Делавэр, которые все знают, например, Вашингтон DC является офшорной зоной, в некотором смысле этого слова. Здесь как раз очень правильно была замечена защита прав собственности, потому что вокруг этого всё крутится. В основном, мы наблюдаем уход в офшоры или за рубеж, в зарубежное поле. Сделки делаются не только в офшорах, если рассматривать, что Англия — это не офшор. (Ну, всё-таки, вряд ли мы назовём Англию офшором), то, по английскому праву, в Англии делаются довольно крупные сделки. Основным мотиватором является защита прав собственности и безопасность, даже физическая безопасность. Мы проводили сделки на рынке уже много лет, десятки, я бы сказал, часто спрашиваешь, особенно раньше, когда были сделки покрупнее, сейчас сделки поменьше, хотя, может быть, тоже придёт время и будет крупнее... Часто спрашиваешь владельцев: «Как лучше рассчитаться»? Он говорит: «Нет, лучше за рубежом. Я готов налоги заплатить, да не вопрос. Но вот безопасность». То есть вопрос безопасности. Ну а так почему? То есть неудобность судебной системы, то есть она просто неудобная, российская судебная система, или непонятная, или вообще невозможно иметь, так сказать, определённый уровень уверенности в том, что будет за тобой право или не будет? Усиление роли государства, давление силовиков и так далее, то есть вопросы, то же с этим связанные. Ну и допустим, если брать неразвитость судебной системы как таковой, невозможность добиться своего права, плюс локальное законодательство для сделок — это как раз юридическая тема, оно, конечно, в последнее время в некоторой степени в последние годы или даже в существенной степени улучшилось. Можно и многие вещи прописывать и в праве фактически, но это не исключает защиты прав собственности.

Иванян: Наверное, немного попробую подытожить. Работая в инвестиционной среде, я очень много работаю со структурами, которые окутаны мифами — это хедж-фонды. Мы принимали участие в структурировании огромного количества таких проектов. Поэтому можно посмотреть, как смотрят в России и за рубежом на создание инвестиционной структуры, например, хедж-фонда. Россия — достаточно уникальная страна. В законодательстве у нас есть положение о том, что такое хедж-фонд, и, по сути, нет как таковой индустрии. Во многих странах мира есть законодательство, которое говорит просто про invest fund, но нет такого понятия, как хедж-фонд. Но при этом есть индустрия хедж-фондов. Попытка создать хедж-фонд в российской юрисдикции обречена на неудачу. По сути, люди вынуждены идти и пробовать делать структуру либо офшорную, либо уже, назовём её условно, «оншорную» (например, в Соединённых Штатах или в Великобритании) — в зависимости от количества начального капитала. Раньше офшор позволял

осуществлять такой лёгкий вход в инвестиционный бизнес: ты открываешь офшорную управляющую компанию, открываешь фонд, начинаешь привлекать инвесторов и т.п. Сейчас мы все наблюдаем внедрение CRS, FATCA, процедуры усложняются, соответственно, порог входа так же повышается. Вот эта вся «лёгкость» — сейчас мы откроем, привлечём деньги - уходит в прошлое. И если человек действительно хочет делать бизнес, он столкнётся с большой регулятивной проблемой, которая наложена на банки. Очень трудно открыть банковский счёт, если структура сделается по непонятным для банка причинам непонятными людьми. При этом можно посмотреть, например, как те же Соединённые Штаты с офшорами работают. Американцы, как вы знаете, очень и очень пристально следят за налогами своих граждан. И откуда тогда статистика, что на Кайманах огромное количество американских хедж-фондов, которые носят название Master-Feeder. Вопрос в том, что такая структура позволяет делать очень интересную вещь. Все американские инвесторы, которые «US taxable», должны инвестировать через feeder структуру в Соединённых Штатах, а все остальные инвесторы, которые не попадают под определение американских инвесторов или не являются резидентами, инвестируют в каймановский фонд, мастер-структуру. То есть они пытаются совмещать, соответственно, возможность работы и отслеживание всего, что связано с их гражданами. В частности, организовали, таким образом, налогообложение американцев на американской территории. Т.е. усложнённые процедуры для американцев, которые хотят инвестировать в офшор, совмещается с возможностями для других инвесторов. По этому пути пошли многие страны. И этого, в том числе, не хватает России. По крайней мере, мы не слышали даже обсуждения подобных структур, потому что у нас такая структура как master feeder (как и многое другое) снова рассматривается как «вывод денег». То есть люди инвестируют здесь в фонд, а эти деньги идут куда-то в офшор. Всё, соответственно, вывод денег, хотя может и нет, прокомментируете?

Мовчан: У меня есть вопрос ко всем сразу: каким образом в нашей стране, в которой свободное движение капитала и нет никакой проблемы вывести никакие деньги никуда (я сам перемещаю собственные деньги туда-сюда по мере необходимости), может возникать такой термин, как вывод денег? Ощущения?

Иванян: Интересный момент был во время круглого стола, в котором принимали участие люди из налоговой, в том числе представители валютного контроля. Как я думаю, многие сталкиваются с термином «вывод денег» как с неким абстрактным понятием - когда могут не дать определённым образом перевести средства. Но в данном случае мы говорим о некой структуре, которая позволяла бы делать это прозрачно, системно и выгодно, в том числе государству. Соответственно, и с точки зрения бизнеса такой структуры не хватает. Когда мы говорим о выводе денег или о схожих терминах, очень интересно мнение юристов, окологосударственных или государственных структур, откуда такая терминология в их понимании берётся. Есть очень

удачные западные примеры, например, американская модель, Великобритания. У них существует два вида master-feeder структур. Они пытаются очень активно привлекать инвесторов и, соответственно, пытаются делать послабления. Как раз интересно мнение коллег, насколько эта ситуация вообще воспринимается или она даже не обсуждается, потому что, по сути, как говорит Андрей, проблемы купить паи каймановского фонда в России нет — идём в банк, кладём деньги, переводим, покупаем акции и всё. Единственный «затык» может быть в понимании оператором банка сути проводимой операции, но это больше технический вопрос.

Мовчан: Реально нет проблем, я могу сказать на практике.

Калинин: Да, я хотел вот что сказать, вы очень правильно затронули вопрос, связанный с валютным контролем, и чтобы не потерять нить нашей дискуссии, мы начали, если помните, с того, зачем вообще нужен офшор. И валютный контроль, на мой взгляд, и по опыту работы с состоятельными физическими лицами, — это одна из ключевых сейчас причин. Потому что смотрите: есть вопрос конфиденциальности. Действительно, деньги любят тишину и, учитывая, что классический офшор не обменивается ни с кем информацией, конечно, исторически вот по этой причине они и использовались. Но это уже, наверное, в прошлом. Все мы знаем об автоматическом обмене информацией, который, если не сегодня, то завтра точно уже будет - все офшоры подписались под это. Иллюзия, что Россия не будет в списке стран, с которыми большинство европейских юрисдикций будут обмениваться финансовой информацией в автоматическом режиме, я думаю, ни на чём не основана. А проблема с валютным контролем остаётся, потому что на свой зарубежный счёт, на самом деле, можно получить очень лимитированный перечень доходов. То есть с выводом да, если это абсолютно законная сделка, наверное, здесь проблем не будет. Иностраный счёт зарегистрирован в налоговом органе, подаются отчёты о движении средств по счёту. Пожалуйста, переводите со своего российского счёта, никаких проблем здесь нет. А вот получить - тут совсем другая история.

Если конкретные виды доходов не попадают в перечень, предусмотренный законом о валютном контроле, то это - незаконная валютная операция, это штраф до 100% от суммы незаконной валютной операции. И клиент стоит перед выбором, что ему делать: закрывать свой офшор, переводить всё на свой российский счёт — я думаю, что тот, кто имеет возможность открыть счёт в европейском банке, в швейцарском банке, вряд ли станет использовать российский счёт. Поэтому счёт такой клиент хочет всё-таки держать за рубежом. Открывать его на себя — это валютный контроль, открывать его на компанию — это КИК (закон о контролируемых компаниях), со всеми вытекающими последствиями. Это отчёты, это налог на сумму нераспределённой прибыли и так далее, и так далее. И вот это реальная дилемма: клиенты, на мой взгляд, разделились 50 на 50.

Мовчан: А можно я, опять же, буду выступать адвокатом дьявола, буквально секунду. А в чём, собственно, состоит дилемма? Личный счёт за границей невероятно зарегулирован, а если у вас оффшорная компания, то вообще нет ограничений. С личного счёта подоходный налог считается от прибыли, пересчитанной в рубли, с компании — нет. С личного счёта надо платить налог на следующий год, с компании — только через два года, и то если прибыль больше 150 тыс. долларов. Почему всё-таки не выбирают компанию?

Калинин: На самом деле, пугает всё-таки это большое количество отчётности, необходимость уведомить о создании компании. [**Фраза из зала:** сложно не столь большое количество отчётности, сколько отсутствие практики] Нет, почему, практика есть, совершенно чётко установлены критерии: вы должны, как минимум, подавать на ежегодной основе уведомления о контролируемой компании. Другой разговор, что финансовую отчётность подавать в ряде случаев вы не должны, но подготовить её надо. Опять же это затраты на подготовку финансовой отчётности, если финансовый результат по данным отчётности положительный, то это российский налог с нераспределенной прибыли. Но платить придётся и в том случае, если доход получен на личном счёте, поэтому, в принципе, те же 13%, с этой точки зрения, безусловно. Кроме того, нельзя забывать о риске, что иностранная компания может быть принудительно признана российским налоговым резидентом по факту эффективного управления с территории России, и тогда общемировой доход компании будет обложен 20% налогом на прибыль.

Мовчан: Там тоже много моментов, есть много способов не платить, можно мы девушке дадим слово?

Левашенко: Буквально два года назад к нам обратились, чтобы была политика деофшоризации в странах ЕС. Один из зам. министров заявил, что деофшоризация была unsuccessful, в том числе и из-за наличия валютного контроля. Были внесены несколько изменений, которые не очень помогли. Мы начали развиваться на эту тему, в том числе по взаимодействию сложной государственной власти, больше всего. Удивительно то, что ни один орган, ни федеральная налоговая служба, ни гос. мониторинг, ни федеральная таможенная служба (это все органы, которые завязаны на валютном контроле). Это некая горизонтальная история. Центральный банк был единственным, кто сказал, что мы не можем позволить себе отменить валютный контроль, аргументация была следующая: вот этот вот механизм репатриации позволяет нам поддерживать наш российский банк. Да, то есть перебить этот метод достаточно сложно. Совершенно согласна с коллегой, что это чудовищная нагрузка на сами банки, потому что они тоже формируют порядка, мы считали, восьми видов отчётности. Это нагрузка, безусловно, и на бизнес. Мы общались с коллегами. Малый и средний бизнес, которые хотят выйти на экспорт, — у нас же идет сейчас кампания по поддержке экспорта — вопрос валютного контроля абсолютно не поднимается. Ни один малый и средний бизнес не может

позволить себе иметь в штате человека, который будет обслуживать его валютный контроль. И компании просто не выходят на экспорт из-за этого. Что касается вашего оптимистического взгляда по поводу международного обмена информацией, я, как юрист-международник, хочу сказать, что мне очень обидно за имидж России, потому что мы прилюдно подписали эту конвенцию в прошлом году и до сих пор её не ратифицировали. А это значит, что мы не занимаемся ее имплементацией.

Калинин: Ну, у нас ещё время есть.

Левашенко: Нет, времени нет. Мы обещали, что за 17 год соберём, а в 18...

Калинин: Нет. В восемнадцатом, в сентябре 18 года. У нас ещё есть время.

Левашенко: Мы не создаём структуру.

Калинин: Насколько мне известно, структура уже готова.

Левашенко: Не готова.

Мовчан: Может, надо принципиальный вопрос решить: либо мы принципиально отказываемся, либо принципиально соглашаемся?

Левашенко: И второй момент. ОЭСР, может, и виновата, но, тем не менее, она публикует те страны, с которыми мы подписали двустороннее, но это не означает, что мы должны двустороннее соглашение заключить. А ОЭСР на своём сайте пишет о том, что 0, Россия — 0. Мы не договорились пока ни с одной стороны, хотя полгода назад Кипр проявил заинтересованность нами, неделю назад, по-моему, в Литве и Швейцарии появилась заинтересованность. Ну, у нас пока 0. То есть, двусторонней договорённости не достигнуто. Поэтому нам нужно сделать ещё множество шагов. Мы вот следим за европейским законодательством, да, в 2014 году целая директива была принята для того, чтобы имплементировать этот двусторонний автоматический обмен. Мы этого не делаем, по крайней мере, в открытом доступе. Не думаю, что мы успеем, потому что уже ходят слухи, что нам это не особо и надо. А почему не особо надо? Может, нам и не особо интересно, хотя это слово, последняя ремарка. Вот, может, тогда и поговорим. С точки зрения нормального бизнеса, это снятие огромной, огромной нагрузки с обратной отчётности по валюте, потому что такая техника, каждый такой вид отчётности, высокоуважаемые юристы говорят, что очень противно заниматься этим всем, потому что это не юридическое дело. Это абсолютно не имеет никакого отношения к концептуальной деятельности.

Кабулаев: Хотелось бы реплику на тему КиКов и работе налоговых органов с отчетностью по КиКам. На самом деле Россия большая, и инспекций много, а отчетность будет по месту нахождения физического лица. Я иногда

сталкиваюсь с региональными налоговиками и понимаю, что даже с простыми операциями, типа начисления транспортного или земельного налогов, бывают казусы. Сложно представить, как налоговые органы будут работать с отчетностями иностранных компаний. Будут ли в достатке квалифицированные кадры, способные разобраться в корпоративных документах? То есть это большой вопрос, а практики нет никакой, пока — по крайней мере. Хотелось бы сделать один шаг назад, если можно. Обсуждали как там все хорошо, как здесь все плохо: валютный контроль, бюрократия...

А «там» вообще бывают разные истории, даже публично известные. [Михаил Борисович Ходорковский, например, имел с 2011 по 2016](#), в том числе, просто потому что на вопрос местной полиции он не мог физически ответить (и явиться к ним, причем по понятным и уважительным причинам). И это история достаточно вопиющая, потому что публичный человек, понятно происхождение капитала, но, тем не менее, деньги были заморожены, и что-то около полугода назад он смог эти деньги разморозить. Дело происходило в Ирландии.

Вторая история, которую хотелось бы всем напомнить, это люксембургские налоговые руллинги, которые [вдруг в одночасье стали незаконными](#). Которые работали-работали, а потом вдруг перестали, причем по решению ЕС, а не Люксембурга. Забавно, что этому решению предшествовал так называемый «Luxembourg leaks».

Третья история на тему последовательности налоговых историй и судебной защиты интересов в западных судах. Это вопиющий случай с Ирландией, которая давала льготы налоговые, а потом европейская комиссия пришла в Ирландию и сказала, что льготы выдавали неправильно, и вы должны доначислять им 13 миллиардов евро. Полтора года, по-моему, назад это было [компанией Apple](#). Сейчас [уже пришли к Google](#), потом ещё к кому-то придут. И, в принципе, компании-то большие, корпорации, юристы, право международное, незыблемость, частная собственность, защита интересов, законы правильно прописанные, всякие венецианские комиссии и т.д. И мы возвращаемся в очень простую историю: когда деньги нужны, их можно как на острове Кипр, например, у кого-то взять. Может быть, не очень свойственно людям, занимающимся международными финансами, защищать Россию. Просто там тоже «линчуют» кого-то.

Матиас: Действительно, нельзя, скажем, рисовать только в России такой контроль. Я вообще начал работать в Германии, 11 лет проработал в Мюнхене. Тот валютный контроль, который существует там и существовал всегда, собственно говоря, нужно ещё потренироваться в России такой иметь. Каждый перевод 5000 евро обязателен для нотификации, причём это идёт через (тогда был Bundesbank), был специальный реферат по международным платежам и т.д. Даже не в этом вопрос, а вопрос в том, какова цель этого валютного контроля, и

какие цели преследуют люди или компании, когда уходят в офшор, имеется в виду за границу.

В нашем случае с Россией это, скорее всего, я бы так сказал, как дефиниция, может быть, даже не офшор как таковой, а за границу, ну и естественно в офшор. Цель-то другая. Раньше уходили в ту же Швейцарию, в Люксембург, при этом, кстати, прекрасно помогали те же немецкие банки в начале 90-х годов, когда вышло новое законодательство по поводу налогообложения депозитов граждан ФРГ в ценных бумагах. Люксембург объявил: у нас 0, и все ломанулись в Люксембург, почему Люксембург и поднялся. Вот одна из причин, почему Люксембург очень сильно в банковской сфере поднялся — уход от налогов был, тогда это было возможно. И почему, собственно говоря, Россия хорошо очень копирует, и, кстати, скопировали-то неплохо. В принципе, то, что сейчас делают, действительно, все задумаются — идти в офшор, не идти в офшор? Даже наша сегодняшняя дискуссия, тема нашей встречи ведь не просто «Почему офшоры?», а «Влияние офшорного характера», то есть на реинвестирование капитала, на состоянии российской экономики в целом. Кстати, мы должны ещё вернуться к этой теме. Делалось-то всё совершенно по-другому. Для того, чтобы фактически иметь не просто контроль, а возможность действительно сэкономить налоги, в первую очередь. А в России, ещё раз, - это защита прав собственности и безопасность, в конечном счёте.

Поминов: У меня два соображения есть. Первое соображение такое: как мне кажется — я Артёма опять же подхватываю — это давнее такое соображение. Когда я слышу инвестиционный фонд, мне сразу приходит в голову ассоциация Hermitage Capital и Сергей Магницкий к вопросу о защите прав собственности. Вопрос дальше: что сильнее влияет на экономику? Защита прав собственности и судебная система, возможность их защиты, которая, наверное, является производной от политической? Наверное, так как мы в рамках экономической программы центра Карнеги, то мы эту тему затрагивать будем, иначе уползём очень далеко и наговорим лишнего. Поэтому мне кажется, здесь защита прав собственности — это ключевой момент даже, а не сложность заполнения какой-то там... сложности отчётности. И второе: получилась у вас, коллеги, очень интересная дискуссия. Сначала я хотел спросить: вы хотите сказать, что нам не нужен совершенно валютный контроль? Но тогда Россия превращается в офшорную территорию, потому что никто тебя не спрашивает. Ведь какая логика сейчас у западных стран: раньше наш бизнесмен приходил- неважно бизнесмен, чиновник - приходил в Лондон, приходил в Майами, приходил в Майами Дейд, в общем, приходил куда-то на Манхэттен, покупал квартиру, и никто ничего у него не спрашивал. Всем всё нравилось. Мы недавно делали несколько расследований совместно с американскими журналистами по башням Трампа, так там сплошные русские, в том числе, чиновники. Никто не спрашивает, откуда у тебя такие деньги, то есть здесь встаёт вопрос, что галочка должна быть.

Калинин: Если позволите, я вклинюсь. Ведь речь, прежде всего, идет об ограничениях, предусмотренных валютным контролем на зачисление определённых видов доходов на свой зарубежный счёт. Вот о чём.

Поминов: Ок, это одна тема, просто я хотел подчеркнуть очень важный момент: как бы ни работал валютный контроль, понятно, что его, видимо, надо как-то изменять. Но очень хороший аргумент, что если мы его совсем отменяем, то мы у себя здесь получаем такой офшор, что здесь будет общемировая помойка вообще. Сюда африканские деньги, сюда деньги там какого-нибудь Саддама Хусейна и тех самых террористов из Афганистана.

Мовчан: А их нет?

Поминов: Ну, как бы, наверное... У меня ещё вопрос есть к юристам, он немножко вперёд, запишите, пожалуйста, если можно. Я вот хотел узнать, а почему, когда было опубликовано Панамское досье, там было очень много людей из разных стран: 5000 русских, премьер-министр Исландии, ещё кто-то. И там не нашлось американцев. Самое простое объяснение, что у американцев есть Мэйн, там Делавэр, ещё что-то. Но какое ваше объяснение? Им всё-таки выгоднее или это та схема, про которую вы говорили, master-feeder? Может быть, дойдем до этого?

Захаров: Да не пользовались никогда американцы Mossack Fonseca и Панамой по простой причине: потому что Панама — это продолжение США, её финансовой системы, поэтому в принципе, чтобы спрашивать вопрос, нужно было сначала подготовиться. А я бы хотел вернуть конструктивную среду всю эту тему обсуждений, с вашего позволения. Давайте не мешать валютный контроль с противодействием офшоров, потому что валютный контроль — это такой зверь, чтобы рубль стоял, мягко говоря, и не падал. А на самом деле, главный у нас спекулянт оказывается тот, кто должен защищать рубль. И, возвращаясь к теме валютного контроля, здесь очень всё просто, на самом деле. Вот вы говорите, если нет валютного контроля, то мы превращаемся в большую чёрную дыру. Ну, как вы видите, кому мы вообще интересны как большая чёрная дыра? Думаю, никому. По простой причине, в общем-то, у нас есть геополитические пояснения и не только связанные с инвестиционной привлекательностью. Я думаю, что уважаемые эксперты в сфере инвестиционной меня поддержат в этом. Возвращаясь, собственно, к противодействию офшорам, давайте начнем с того, что дедушка Ленин, когда пришёл и раскулачил всю страну, ушёл от частной собственности к общекommунистической, когда создавались первые банки, Моснарбанк и все остальные колхозы в Лондоне... Как, вообще, как вывозились валютные ценности кому-нибудь интересно? Они вывозились в карманах, вешались на каких-нибудь там Троцких и других товарищей, поддерживавших советский коммунизм. Это были первые пользователи офшоров. Это, в общем-то, наша история, это не то, что писал господин из Великобритании о тех людях,

которые обокрали мир. А у нас другие люди обокрали страну, и на протяжении 70 лет офшорная тематика оставалась под управлением конкретной страны, конкретных чиновников. Потом было дело КПСС, искали долго деньги, куда они ушли, с первым договором об избежании с Кипром. В общем-то всё понятно, как распределилось, понятно, как складывался частный капитал в России, и если говорить откровенно, есть офшоры или нет, то их нет. Есть просто «заграница нам поможет». Если говорить о защите собственности, то действительно это так. Если мы говорим, сложился ли механизм защиты собственности, к сожалению, он сложился условно: есть для одних и есть для других. Потому что вы помните про ночь ковшей: все пришли и, в общем-то, решение было всё равно устоять. Спасибо.

Мовчан: Коллеги, если можно, буквально две ремарки. Одна по поводу всей этой истории с валютным контролем, защита, помойка и так далее. Давайте будем реалистами: как сейчас западный банк открывает счёт российскому клиенту. Он это делает с невероятной сложностью. Он просит этого клиента убедительнейшим образом объяснить источник дохода, требует проследить весь путь денег, счета за газ, за свет и пр. После чего клиент берёт бумажку, пишет на ней договор о получении 100 миллионов долларов, ставит две подписи своей рукой, делает юридически заверенную копию, отправляет это в банк, открывает счёт, переводит 100 миллионов долларов. Мы и ещё другие идиоты, и наши идиоты-клиенты мучаются и пытаются найти документ за 2008 год о своём получении дохода. Те, кому надо, не заморачиваются, они это делают прямо у себя на коленке в тот момент, когда им это нужно: у них под рукой и правильный юрист, который заверит, и фиктивные печати, и нотариус свой, и пр. Так что помойка — не помойка, Англия это или BVI — совершенно неважно. Мошенники легче открывают счета, чем честные инвесторы, это вообще проблема современного compliance. А вторая ремарка, которую я хотел все-таки сделать: у нас была благодатная тема, я хочу, чтобы мы к ней возвращались периодически — это чего у нас не хватает в стране, чтобы не работать с офшорами. Ну, кроме того, что у нас нет защиты прав собственности для этого. Вот одна из вещей такая простая, например, постоянно в сделках ИВ я наталкивался на необходимость иметь два класса акций. В России такого понятия нет «два класса акций», вот хоть убей. Можно биться головой о Кремлёвскую стену, у нас нельзя прописать ни прав по акциям, ни количество классов, ничего. Или уже можно, я не знаю, может, я отстал от жизни. И мне даже не столько интересно этот факт произнести, сколько интересно задать вопрос: хоть кто-нибудь за столом понимает, почему у нас такого нет, почему этого нельзя сделать?

Кабулаев: Мне кажется, что еще вопрос — даже если прописать, к примеру, разные права акционеров, то достаточно ли у нас судей, которые могут квалифицированно разрулить спор? В прямом смысле, вынести ruling. Это на самом деле большая история. Россия — большая страна. К сожалению, споры бывают разные и довольно сложные. Откуда вообще в такой большой стране

брать судей с хорошим экономическим опытом? Вообще-то они не могут сами появиться, это должны быть квалифицированные и очень высокооплачиваемые опытные юристы, желательно которые до этого не уголовников сажали за мелкую кражу, а которые, к примеру, понимают, что такое shareholders agreement или соглашение об осуществлении прав участников ООО. Как алаверды к вашим словам хотел бы добавить, что, вот, недавнее судебное решение, которое [Транснефть выиграла у Сбербанка](#)... Получается, что можно в договоре написать, что угодно, а потом в суд пойти и «развернуть сделку»? Почти весь финансовый рынок страны на это [смотрит очень удивленными глазами](#): как теперь дальше жить? Все сделки можно разворачивать? Все свопы валютные можно признавать ничтожными или как? Чего не хватает — не хватает последовательности.

Гузей: Можно я вклинюсь чуть-чуть? Давайте по порядку будем брать слово, чтобы у каждого была возможность высказаться, хотя тут каждый сам себе модератор, я это тоже не отрицаю. Я надавлю сейчас на больные места. По большей части всё, что было сказано, с одной стороны, правда, а с другой стороны — абсурд. В каком смысле? Во-первых, поддерживаю Александра в том, что валютный контроль здесь совершенно ни при чём. Всем все равно. Всем безразлично, как двигаются денежные средства сами по себе. Деньги — это реально фикция, бумажка, которая в отрыве от производства, используя такой термин, никому не нужна. Хочешь — переводи в Америку, хочешь — переводи в Европу, нет никакой разницы абсолютно. Ровно с этим связано то, что можно сделать контракт на бумажке, прислать в банк, и банк с удовольствием эти деньги примет. Если говорить о том, чего нет у нас, — да, у нас нет защиты права собственности. Она у нас как не сложилось, точнее как разрушилась, так и не сложилась. И вот Александр сказал, что одними из первых пользователей офшоров, если брать время Советской России, были люди, приближенные к власти. Да, это действительно так и было. А в современное время, если брать шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы, это были только представители власти, но достаточно специфические. Это были даже не дипломатические работники. Статистики, к сожалению, не удалось получить взвешенной и полноценной. Но судя по отзывам органов внешней разведки и КГБ, которые этим вопросом занимались, активными пользователями офшоров — будем прямо говорить, не офшоров, а иностранных государств, которые предоставляли возможность размещения денежных средств и открывать компании за границей гражданам СССР, — были сотрудники торгпредств, в первую очередь. Один из основных каналов вывода денежных средств и один из основных каналов формирования первичного капитала для того капитала советского-российского, который потом возник после падения Берлинской стены, после всех перемен для кого-то катастрофических, для кого-то не очень уже в современное постсоветское время.

Это касается вот такого задела. А если уж совсем глубоко в историю погружаться, то здесь мы, к счастью или сожалению, в виде большевицкого

меньшинства не были какими-то изобретателями использования каких-то специальных зарубежных структур. Специальные зарубежные структуры исторически использовались во время колонизации. Это, в общем-то, у нас ещё и 17-18 век, когда активно используя континентальное право на островах или на других континентах, люди в виде вице-губернаторов, губернаторов скрывали доходы от королевской казны. Даже за океан не будем ходить: активное использование французами территории Англии и Уэльса, и активное использование Англией и Уэльсом территории Франции — я имею в виду, в первую очередь, конечно, дворянство - для того чтобы скрывать свои капиталы во время междоусобиц. Это, в общем-то, прозрачная история, она исторически понятна, и вот откуда ноги растут. Поэтому и офшоры точно также формировались. Зачем скрывать информацию о человеке, владеющем счётом или компанией? Ровно для того, чтобы он не от налогов ушел, в первую очередь, а для того, чтобы он защитил нажитое посильным или непосильным трудом. Налоги здесь — это уже абсолютно второй вопрос ровно потому, что такими же инструментами в силу, опять же, исторического развития этого инструмента пользовались дворяне, а дворяне равно государство, потом и государства начали пользоваться. И в современное время именно государственные структуры были активными пользователями. Америка была активным пользователем как госкорпорация, и СССР, и тому подобное.

Захаров: Маленькое дополнение, возвращаясь к Панаме: если вспомнить, как финансировались талибы во время войны с СССР, они финансировались через Панаму, через панамские банки и через панамские фирмы. Поэтому весь капитал, который был арестован у наркосиндиката, у известного Пабло Эскобара, пошёл весь на финансирование борьбы с СССР через Талибан.

Торчинский: Можно еще ремарку маленькую. Я, конечно, верю, что основные офшоры открывали представители торгпредства, только не надо забывать, что Советский Союз финансировал все компартии за рубежом тоже через систему офшоров, и занимались этим ребята в погонах.

Захаров: Возвращаясь к социалистической собственности, дело в том, что иностранные государства не признавали советскую собственность и право Советского Союза на собственность, которая имела, поэтому были вынуждены брать те же бриллианты, валютные ценности, вывозить в Швейцарию, там доставать из карманов и говорить: «Это моё, но я учреждаю, допустим, вот это и в Союзе уже отчитываюсь перед властью». Ну это так... Так и ловят сейчас.

Мовчан: Ну да, но это чуть позади уже. Сейчас мы уже немножко в другом мире живем.

Гузей: Да, Андрей, на современном этапе мы имеем квинтэссенцию развития этого инструмента. Отбрасывая в сторону все скандалы с точки зрения

воровства налогов с Браудером и Panama papers, которые были вскрыты, современный бизнес, если брать Российскую Федерацию, имея настолько плотное сращивание с органами государственной власти, в первую очередь, исполнительной, хотя и законодательный тоже, - будем говорить откровенно - он действует, мягко говоря, беспринципно. Здесь говорилось по сделкам, которые закрывались между РусГидро, например, и Базелом. Но имея внутреннее понимание этих сделок, там очень странно выглядит, когда государство выделяет, со своей стороны, финансируя через РусГидро, сумму в размере около 330 миллионов долларов при общем бюджете намного большем, почему-то из этих 330 миллионов долларов около 41 растворяются где-то в воздухе. Ну и поди найди их потом на Кипре. Растворяются на основании договора с банком, с крупным, причём, между РусГидро, о том, что она хеджировала свои валютные риски. Вот так вот она их прохеджировала, что 41 миллион долларов в воздухе растворились, и это только по одной итерации. А таких итераций, в общем-то, можно найти значительное количество.

Мовчан: Вот, кстати, по-моему, это отличный вопрос. Я все время слышу этот разговор о том, что вы можете действовать в соответствии с законодательством и всегда есть риск, что это признают схемой. Вот по поводу хеджирования 40 миллионов долларов: а вот как быть, если вы продаёте нефть, скажем, и хеджируете свои риски изменения цены на нефть, а нефть в цене вырастает. А вы платите за этот хедж 40 миллионов долларов. И к вам приходит налоговая и говорит: «Это вы вывели 40 миллионов долларов за рубеж». Вот что юристы скажут?

Гузей: Давайте посмотрим на эту ситуацию с двух сторон: смотря к кому придет налоговый орган.

Торчинский: Не к кому, а от кого он придёт. По чьему поручению.

Гузей: Ну и это тоже. То есть при этом схему мы только усложняем. Но это ложится ровно в канву текущей ситуации, когда у нас за границей бизнесмен, реализуя возможности законной оптимизации налогообложения или вообще, скажем так, неуплаты налогов, понимает, что для него это бизнес. Он примерно, исходя из характера своего бизнеса, объемов, которые он может показывать, а может не показывать, исходя только из этих бизнес показателей, понимает: «вот я перешагну, например, порог в миллион долларов — и ко мне придёт налоговая служба, а вот доколе я миллион долларов не перескачу, она ко мне не придёт». А вот у нас, к сожалению, велика роль политического заказа. А в текущей ситуации, когда у нас просто-напросто борются за то, чтобы инфляция была 2%, рубль был крепким и негибким, и при этом отсутствует абсолютно покупательная способность населения, отсутствует выстроенная вертикаль производства товара от и до - то есть все равно зависимость от зарубежных поставок сохраняется - и при этом вымывается тупо — другого слова нет — наличность рублевая из рынка, когда официальная статистика говорит, что за

последние два с половиной года у нас Центральным Банком просто-напросто выведено было 5 триллионов рублей... Когда меня недавно спросили, как это так вывели 5 триллионов рублей? Я говорю: «Элементарно. Видели, большие грузовики?» - «Ну да, но у этих денег же есть пользователи!» Говорю: «Конечно, один из пользователей этих денег — это государство. Вот оно свою условную десятину забирает, Центробанк приходит в правительство, у которого нет политической воли на реализацию каких-то программ и говорит: «Деньги есть». Они говорят: «Отлично. У нас за прошлый год программы еще не выбраны по деньгам». Они говорят: «Варианта два: либо программы сокращать, либо финансирование в рамках программ». Они говорят: «Давайте и то, и другое». Ну, тогда вот мы пустим под нож или в печку не одну копейку, а 2 копейки». А пускается у нас в итоге за два с половиной года 5 триллионов. В итоге, у нас на валютном рублевом рынке сейчас есть просто-напросто дефицит наличных денег, у нас просто нет ликвидности рублевой, которую мы можем взять в любой момент и достать из кармана, а государство продолжает ее выкачивать уже из матрасов населения.

Мовчан: Если можно... Я в университете учился все-таки. Уменьшить количество наличных денег — не значит уменьшить ликвидность, у вас просто становится больше безналичных.

Гузей: Да, это понятно, конечно, я имел в виду, что уменьшается количество наличных денег.

Мовчан: Да, но количество наличных денег и так у нас уменьшается, я не знаю, может быть, это даже хорошо, значит, меньше теневой экономики. Вот я сейчас могу заплатить, по-моему, уже в лесу белке карточкой теперь.

Гузей: Так наоборот, хорошо бы, чтобы была теневая экономика.

Мовчан: А, ок.

Гузей: Понимаете, Россия — это развивающаяся страна, и надо это признать и жить с этим спокойно. И пусть мы будем развиваться еще десять, двадцать или тридцать лет. И пусть будет теневая экономика, и пусть мы проживем, нет, без шуток! И пусть мы проживем лет 30, а может быть, и даже 40, как Великобритания и США, с 30 по 70 годы с двузначной инфляцией. И двузначная — это не 11%, это 24%, это 30% инфляции. Это цифры, которые они сами публикуют и которые мы видели.

Мовчан: Здесь вопрос курицы и яйца: что первично?

Гузей: Соглашусь, но, тем не менее, мы имеем то, что имеем. Если мы какие-то исторические факты и текущего момента и экономические будем признавать и жить, исходя из реальности, это будет, наверное, лучше, чем витать где-то в облаках.

Мовчан: Ну, конечно, у нас только, правда, говорят, что если в азиатских странах теневая экономика находится на периферии, то у нас теневая экономика в центре, а всё остальное — менее теневое.

Кабулаев: Я не очень понимаю, какое отношение к офшорам имеет этот спич, но я не хотел бы, чтобы он повис в воздухе. Извините, вынужден парировать на тему того, что ликвидности нет. Ликвидности на российском рынке рублевой много, и не просто много. Ее запредельно много. Почти все крупные облигационные размещения, которые с начала года выпускаются рублевые, они все с переподпиской уходят. Доходности ушли в диапазон «меньше 8%», с долгом длиной 5 лет и больше. Все последние размещения, которые надежные эмитенты делали, они все были с переподпиской. Причём, если раньше, ещё полгода назад, даже может быть месяцев 9 назад, можно было поторговаться с банком, который размещает, то сейчас надо уговаривать его, локацию чтобы выдали, если плюс-минус крупная локация. Интересных бумаг на рынке нет. Ликвидность на вторичном рынке, на бирже скукожилась, потому что денег очень много, а никто ничего не продает, потому что вот всё очень хорошо. И это немножко контрастирует с тем, что пишут в некоторых изданиях.

Гузей: Вопрос: каких денег много? Я уже поправился. Речь шла не о ликвидности, а именно о количестве денежной массы в наличном выражении. Не про ликвидность речь шла в экономическом понятии.

Кабулаев: Одно превращается в другое.

Мовчан: Коллеги, это действительно такой оффтопик, и об этом легко можно говорить. У нас действительно есть некая такая магическая школа экономистов в России, которая считает, что у нас денег не хватает. В то время как в Центробанке три триллиона лежит рублей, которые банки не хотят брать, говорят: «Нам не надо, потому что никому не надо. Мы дать никому не можем». А доходность 8% при хедже на доллар 9% — это минус один по доллару. То есть у нас действительно, у страны фактически рыночный рейтинг выше, чем у ЕС, поэтому, на самом деле, денег-то, конечно, хватает.

Анонимный эксперт: Можно я про налоги сделаю маленький комментарий и, может быть, про хеджирование тоже с точки зрения налогов, потому что я абсолютно не специалист в области банковской отрасли управления активами. Тем не менее, мне кажется, что если посмотреть на то, что сейчас происходит, я бы сделала два таких комментария. Номер один: мне кажется, сама по себе российская базовая ставка налогообложения настолько невысока, особенно для физических лиц, что честно говоря, вопросы, связанные с неэффективностью налогового планирования или с вопросами, связанными с уплатой больших налогов в случае совершения операций с непосредственно налогоплательщиками, на самом деле не так важны. Хотя, конечно, вопрос, связанный с налоговой нагрузкой любой структуры, учитывается при

рассмотрении какой-то новой идеи, но первоначальными и важными драйверами являются вопросы, связанные с юридическими аспектами сделки или структуры, в том числе, безусловно, защиты активов, но это, по крайней мере, исходя из моего опыта.

Ну, и второй, мне кажется, важный момент, — это то, что сейчас использование иностранных структур, особенно как элементов структуры собственности или контрагентов в отношении российских компаний, является существенно осложняющей частью сделки. Потому что то, что мы сейчас видим с точки зрения проверок налоговых органов, мы видим, что, прежде всего, налоговые органы, когда они видят платёж в любую иностранную структуру (если только это не действительно очень активные иностранные компании), они пытаются усмотреть в этом платеже налоговую оптимизацию. Сейчас в интернете была очень неприятная ситуация и с деривативными операциями для ряда банковских структур. И мы видим, что и с разными процентными выплатами происходят плохие ситуации, в том числе это поддерживается негативной арбитражной практикой. Поэтому, в принципе, мне кажется, что мы, может быть, переживаем такой эволюционный момент, когда налоговые органы при рассмотрении платежей в пользу иностранных юридических лиц усматривают некое уклонение от уплаты налога и в любом случае ищут получение необоснованной налоговой выгоды даже в ситуации, когда сделки совершаются с независимыми лицами и с компаниями, которые не находятся в структуре группы, к которой относится этот налогоплательщик.

Поэтому я бы, наверное, не согласилась с тем, что на данный конкретный момент иностранные элементы способствуют обязательно налоговой оптимизации. Иногда они наоборот удорожают структуру и делают ее более рискованной. В принципе, я думаю, что практика налоговых органов по рассмотрению иностранных компаний будет только увеличиваться. Вот сейчас коллега сказал, что нет практики по КИКаМ - её действительно нет. Но я предполагаю, что в ближайшее время, наверное, произойдет некая эволюция сознания налоговых органов в понимании того, что происходит. Они увидят отчетность по КиКам и поймут, что делается с другой стороны, увидят обычные сделки внутри элементов группы. В принципе, это будет означать, что у них будет довольно полная картинка того, что происходит на самом деле в крупных российских финансово-промышленных группах и на уровне их акционеров. Поэтому я, честно говоря, предвижу, что будет усложнение налоговой практики и, возможно, появятся некие новые прецеденты с новыми последствиями для акционеров, в том числе с точки зрения экономической обоснованности сделок между иностранными элементами структуры, оспаривание убытков и прочие другие элементы. Поэтому я бы сказала, что, наверное, если кто-то сейчас хочет использовать иностранные элементы не для налоговой оптимизации, это сделать, наверное, можно, но это достаточно дорого и рискованно.

Мовчан: Сразу задам один вопрос и предложу одну смежную тему. Вопрос такой: если это так, то почему — может быть, кто-нибудь знает — у нас в законодательстве сидит такая дырка как отсутствие проверки физических лиц на нерыночных связанных сделках? Почему, например, физические лица могут беспроцентный кредит давать в офшор на 49 лет и спокойно себя чувствовать? И буквально просто чтобы новую тему задать... ведь до сих пор мы сейчас смотрели на гражданина, у которого голова лежит на тротуаре, а тело на проезжей части. Да вот офшорная компания там, а человек здесь. Но офшор может быть устроен и в обратную сторону. Человек уезжает за границу, бизнес у него остаётся здесь. «Resident non-domiciled», британский налог — 0, иммиграция в Израиль 10 лет налог — 0, Кипр налог на дивиденды — 0, Италия «lumpsum tax» 100,000 евро в год. И это тема, которую сейчас я слышу очень много. И это тоже интересно, я бы это сейчас обсудил.

Мотрич: Тут просто на самом деле к тому, что вы сказали, Андрей, сейчас по большому счёту мне, наверное, добавить нечего. Причина, по которой у нас работа с физическими лицами пока не настолько прогрессивна, как, например, в ситуации с доказательствами по КИКа, где мы просто сделали такой огромный геосдвиг, прямо сдвиг континентов... Как вы правильно сказали, у нас объема практики нет, а потом он разом появится, и он, скорее всего, будет не в пользу налогоплательщиков, учитывая дело «Северстали». Мы вполне можем получить еще кучу-кучу дел по периодам до 2015 года, скорее всего, получим. Деньги там действительно огромные, возможности наполнения бюджета не бесконечные, но очень серьезные. И здесь всем придется заново привыкать, при этом мы на своих клиентах видим в основном очень большой лаг в понимании. Они, конечно, задают вопросы нам, но когда мы рассказываем новые правила или ставим перед ними какие-то новые опции, проблемы, они, в общем, уходят очень надолго думать. Они не готовы делать каких-то радикальных движений. Некоторые, конечно, меняют резидентство, некоторые наоборот деофшоризуются, но в целом на практике не видно пока до сих пор вала ни в ту, ни в эту сторону. Это происходит очень постепенно. При этом то, что вы сейчас сказали, что офшоры становятся отчасти отягощающим элементом, да, это правда. Но на практике юридической корпоративные M&A в большинстве случаев последние годы офшорные структуры выбирались именно для того, чтобы попасть под регулирование иностранным правом и уйти от российского суда. Это было уже довольно давно, в основном количество сделок являлось основной причиной. Сейчас мы вынуждены заведомо, создавая такую структуру, идти на либо increased compliance, на эти проблемы, либо отказываться от этого в пользу не совсем совершенных российских механизмов.

Желтоногов: Вы знаете, я хотел бы тоже сказать по поводу судебных дел. Сейчас где-то уже, наверное, больше двадцати — 22-23 судебных дела, которые касаются бенефициарного собственника. И вот всё началось где-то в последние три года. Сейчас я расскажу: это именно бенефициарный собственник как лицо,

которое имеет фактическое право на доход. Нет, это другое. И этих дел где-то больше 20. Всё началось с Теле2. Это большая известная публичная компания, это полностью публичная информация, и они это дело выиграли. То есть это заняло у них довольно долго, но они стали выигрывать дело, и потом это с одного города переместилось на другие. Другие случаи не настолько успешные: есть положительные, отрицательные. Но если посмотреть на то, какого рода пассивный доход было атакован налоговыми органами, это в основном и дивиденды, это проценты, и, конечно же, роялти. И единственное, в этом году появилось первое дело, где был атакован Capital Gain, где одно российское юридическое лицо продало другое юридическое лицо по какой-то стоимости, получателем был Кипр. И Кипр перепродал его с большим gain'ом. И тогда именно всё равно было использовано не постановление 53, а то, что кипрская компания не могла, не являлась фактическим владельцем полученного дохода и не могла получить этот benefit в рамках соглашения. Это поразительно, потому что это первое судебное дело, где атакован Capital Gain.

Калинин: Я бы хотел ответить, поделиться соображениями по вашему вопросу. Вот смотрите: мне кажется, что НДС выведен из перечня налогов, в отношении которых применяются правила трансфертного ценообразования в связи с тем, что основные бюджетные поступления в статьях бюджета — это НДС, налог на прибыль, НДС. Бюджетные доходы от НДС несопоставимо меньше, поэтому законодатель решил, по-видимому, пока не тратить на это силы и, соответственно, не контролировать эти сделки.

Желтоногов: Но нужно помнить, что есть концепция материальной выгоды, которая, в принципе, может быть использована и должна быть использована для физического лица. Но поразительно то, что, вы правы, сами сделки трудно оценить. Но если ты что-то купишь за дешево, или по номинальной стоимости, или за ноль, то у нас есть прямая норма налогового кодекса, которая позволяет сделать налоговым органам доначисление именно физическому лицу.

Калинин: Да, совершенно верно. Есть две отсылки в налоговом кодексе (в главе НДС) к правилам трансфертного ценообразования: это материальная выгода и доход, полученный в натуральной форме. И в двух этих случаях указано, что доход по сделке с взаимозависимой компанией может быть определен по правилам трансфертного ценообразования. И второе, что касается вот этих специальных режимов, которые существуют в Швейцарии, в Англии. Да, вот то, что вы перечислили. И совсем недавно был введен спецрежим в Италии для физических лиц, но тут тоже всё просто: идёт борьба за налогоплательщика. Страны пытаются в конкурентной борьбе привлечь к себе новых состоятельных налогоплательщиков с тем, чтобы они, естественно, каким-то образом инвестировали в экономику страны. И самое интересное, что, мне кажется, и Россия к этому тоже придет. Потому что смотрите, что получается: наша компания проводила статистическое исследование, мы опросили своих клиентов на предмет того, что они делают в свете деофшоризации, в свете всех

этих новых правил. Мы предложили несколько ответов на выбор: 40% предпочли поменять свое налоговое резидентство. О чём это говорит: если они уже меняли своё налоговое резидентство, понятно, налоги они платят там, а здесь они платят исключительно с того, что они заработали в России, если они выводят свой доход в виде дивидендов — это 15%. Если иной вид дохода, то это уже 30%. И теперь, наверное, России уже нужно будет побороться с другими странами за то, чтобы вернуть этих граждан под свое налоговое резидентство. Тут два варианта. Первый вариант: мы меняем свое законодательство, закручиваем гайки и предусматриваем, что налоговым резидентом является не просто, как сейчас, человек, который полгода провел за рубежом, а берем на вооружение зарубежные концепции и предусматриваем в качестве основного критерия «центр жизненных интересов». Как поступит бизнес в этом случае? Он перенесет свой центр жизненных интересов за рубеж, переведет семью, переведет бизнес туда? Или напротив, вернется в Россию? — не понятно. Я думаю, что тут могут быть разные мнения. Другой вариант: аналог того, что предусмотрено в зарубежных странах, та же паушальная система в Швейцарии. Допустим, тот же налог, который введен сейчас, вернее спецрежим, введенный в Италии, когда с зарубежного дохода вы платите фиксированную сумму (налог на вмененный доход) и никто не интересуется, сколько вы действительно заработали за рубежом, это не является предметом контроля. И хочется верить, что Россия, наверное, придет вот к этому второму пути, потому что налогоплательщиков надо возвращать. Что-то подсказывает, что очень многие выберут для себя вариант перемещения центра жизненных интересов за рубеж.

Мовчан: Я боюсь, что мы можем ожидать от России другого. Прошу прощения, есть же третий вариант — глобальное налогообложение. И, по моему, это абсолютно в российском стиле. Можно просто сказать, что каждый, кто имеет паспорт, платит налоги с дохода. И, кстати, вот у меня вопрос ко всем: как вы оцениваете этот вариант с точки зрения вероятности?

Захаров: Я просто хотел напомнить, что у нас тоже достаточно прогрессивное изменение произошло в отношении понятия «налоговое резидентство». Господин Макаров внес изменение: теперь у нас «подсанкционные лица». Видите, у нас санкции возвращают лиц на родину, а не, собственно, инвестиционный климат и другие какие-то характеристики. Я не понимаю, как это происходит, но представитель Минфина поддержал, потому что полагает, что так избегается двойное налогообложение. Если возвращаться к вашему первому вопросу, Андрей, он абсолютно правильный. Почему у нас не применяются трансфертные нормы и правила трансфертного ценообразования к физлицам? У нас физлица вообще выведены, в принципе, из-под контроля. Это теория общественного договора, когда наших депутатов налоговая уважаемая просила: «Дайте, дайте нам доступ к банкам», ей сказали: «Нет, не дадим, 86 статья, по запросу, под подпись руководителя налогового органа, и тогда мы вам это дадим». Почему? Потому что внезапно, в 2005 году, появилось освобождение, предусмотренное подпунктом 18.1 до пункта 1 статьи 217

налогового кодекса, который предусматривает возможность подарить миллиард между независимыми лицами, одному и второму. Не вопрос! Но больше того: это всё происходит у нас на основании гражданского кодекса (пункта 1 статьи 575). Извините, моя любимая тема... Там предусмотрено, что деньги можно дарить в устной форме. И существует презумпция, что хоть миллиард, хоть два миллиарда. Я сам лично видел в Газпромбанке: Вася стоит, достает карточку. «Вот, переведите мне 2 миллиарда с моей карточки туда». Я просто не хочу говорить, что за Вася, но смысл такой. И дальше, собственно, вот так это и происходит. Поэтому какой трансфертный, в общем-то, контроль? И не надо проводить даже никаких рейтингов. Мы знаем, чьи «помойки» прячутся за офшорами - тут не проблема - просто пока президент скажет: «нажмите ему на Фаберже, чтобы он вернул «помойку». Смысл в чём? Смысл в том, что у нас ручное управление. Очень приятно, что у нас Дмитрий Анатольевич и Владимир Владимирович читают наши СМИ, серьёзные, которые, в общем-то, дают критическую оценку положению в стране. Я думаю, что, возвращаясь опять-таки к теме налогового контроля, да, совершенно верно, у нас директивное указание, у нас судебная система работает на защиту бюджета. На защиту бюджета в каком смысле? Если мы сможем, мы заберём всё. То есть следующий шаг будет такой: если вы заплатили налог вовремя, вы избежали штрафов и пеней, это необоснованная налоговая выгода — вы должны вообще в принципе. Вы понимаете, вот такая вот ситуация. Тут не смешно и, в общем-то, ни шатко, ни валко. Во владимирском «Энэргосбыте» вообще уголовное дело против уважаемого гражданина. И там не доказать даже, извините за выражение, идиоту, что там происходило, было сложно и когда мы говорим: «они дошли до западного пути»... мы знаем, кто возит сюда, соответственно, свою профессию. Налоговая делает «хорошие глаза» и говорит: «Мы будем применять опыт так, как мы хотим, потому что у нас так». Вот если, говоря примитивным языком, есть закон, но он не для всех одинаков. К сожалению, это самая большая проблема.

Мовчан: Ну да, мы к этому все время возвращаемся. А с другой стороны, вот в изменениях по поводу КиКов, там как прекрасно! Там даже если налоговая уличила вас в том, что вы не сдали кик, она всего лишь говорит вам об этом, и у вас есть месяц заплатить. И никаких штрафов и пеней, то есть лучше, чем в любой демократии. Интересно, как это будет работать?

Калинин: Штраф-то на самом деле есть.

Мовчан: Ну, 50-100 тысяч это за то, что вы вообще его не сдали, а имеется в виду, если вы про него сказали, а потом вы не заплатили налог...

Калинин: Только переходный период, а потом всё.

Комментарий: А потом уголовная ответственность.

Комментарий: Уголовная и налоговая ответственность там предусмотрены и пени, и штрафы по полной программе.

Мовчан: Неужели я просмотрел? Неужели это по поводу месячного срока, после уведомления налоговой — только переходный период?

Калинин: Нет, он в течение нескольких лет после введения в действие, 2015 или 2016 год. Там постепенно снижается необлагаемый порог и отказ от неприменения штрафов.

Мовчан: Можно вопрос? Смотрите, вы все работаете с крупными компаниями. А у меня вопрос про то, что называется «Малый и средний бизнес». Малый это, конечно, условно, но люди с состоянием до 10 млн. долларов. У меня, по моим знакомым, статистика такая, что очень многие после принятия закона о «КиКе» покинули пределы Российской Федерации. Кипр, Израиль, Италия, Англия и так далее. Кто-то в Штаты, где заплатят очень много, но решили, что от греха подальше. У вас есть какая-то статистика именно по до 10 млн. долларов? Что люди делают в основном? Потому что у меня, понятно, нерепрезентативная выборка.

Калинин: То, что наша компания делала, (обзор, кстати, печатался в «Ведомостях») можно посмотреть, мы опрашивали без привязки к состоянию человека.

Парамонов: Я, на самом деле хочу подхватить тему небольшого бизнеса или состоятельных людей без мультимиллионных доходов или состояний капитала. Во-первых, возвращаясь к бедам России. Почему у нас не прививается привычка, почему у нас некомфортно хранить капиталы и работать с ними? Ну, лично моё мнение: потому что мы живем в состоянии постоянного правового эксперимента над нами. И тут на нас и А/Б тесты проводят постоянно, то вводя положения законодательные, через полгода их отменяя, видя их неэффективность. То есть нет ни прогнозирования, как будут работать нормы, ни какого-то вразумительного представления, к чему мы должны прийти рано или поздно. То есть постоянно вот эти шараханья. Даже возвращаясь к деофшоризации, мы видим, какое законодательство принималась последние 3 года и как принимались мертвые законы. Через полгода они переписывались полностью, чтоб хоть как-то что-то работало. То есть криво-косо у нас всё это так работает. А на ком это всё отражается? На налогоплательщиках, на нас это всё отражается, поэтому, естественно, это было и раньше.

И офшоры были тем местом, как третейский судья, так в бизнесе офшор был той юрисдикцией, которая стабильна, понятна, прозрачна для обеих сторон. И можно воспользоваться без всяких страновых рисков, и мы, россияне, попавшие в Золотой век международного бизнес структурирования, когда далеко не россияне выводили десятками на IPO офшорные компании на Лондонские фондовые биржи, мы попали просто в этот мейнстрим, удачно воспользовались

моментом. Но, естественно, осознавая, что у нас дома всё время что-то происходит и кардинально всё меняется и никогда не можешь предсказать, что будет завтра. И сложился, на самом деле, целый класс (мы это видим по нашим клиентам), сложился целый класс людей, которые были вовлечены в это, коснулись офшоров, может быть, по большей части, случайно, по совету друзей, потому что так все делали, потому что порог вхождения был очень низкий. Это было относительно дешево, относительно того, что это давало; головной боли практически никакой, потому что и в России за этим никто не следил. При этом внутренне они скорее законопослушны. И теперь, когда правила кардинально меняются, причём очень стремительно как снег на голову для них, они сейчас принимают судорожные решения: что делать? И, естественно, есть два самых простых решения: просто уехать из России и не занимать голову больше этими вопросами и, наконец, уже поселиться там, где тебе денег хватит спокойно жить, или отдать деньги кому-то другому, чтобы самому от этого уйти, от управления капиталом.

И немного о налоге на доходы физических лиц. Вообще, действительно, наше государство сконцентрировано на предпринимателях и на предприятиях, поэтому частично правила о трансфертном ценообразовании касаются физических лиц, но только по большей части индивидуальных предпринимателей. А глава по НДФЛ написана при том так криво-косо и невразумительно, по остаточному принципу, содержит очень много противоречий, что сама по себе очень неудобна. И налогоплательщикам-физическим лицам весьма неудобно активно ею пользоваться, соответствующими нормами. Поэтому, если мы захотим включать какие-то прогрессивные вещи, которые есть за рубежом, то мы неизбежно придем к тому, от чего нас пока защищает Верховный суд, т.е. к доначислению доходов, исходя из расходов — то, что есть за рубежом. Это не существует без практики доносительства, но это работает. Попытки есть, но пока вот наша судебная система, которую мы ругаем, нас защищает.

Мовчан: Может мы можем анализировать активность граждан таким образом, у нас любят доносы писать, будут на это писать.

Парамонов: Это можно как угодно называть, это сообщения соседей. Поэтому если это коснется налога на доходы физических лиц, то это будет гораздо глобальнее и больше, я боюсь, чем даже просто введение прогрессивной шкалы и прочее. Потому что это неизбежно, из нашей любви к экспериментам, повлечет внедрение вообще всех способов каким-либо образом изъять деньги у физических лиц в пользу государства.

Торчинский: Я просто напомню, что правительство было категорически против 20 статьи конвенции ООН о борьбе с коррупцией, ровно о разнице доходов и расходов по чиновникам. И чиновники, которые не могут объяснить происхождение своего имущества, у нас не преследуются.

Поминов: Там же 20 статья про криминализацию. В гражданском порядке у нас есть дела, не такие прямо, чтобы высокого полета, но администрация президента приводила статистику. Порядка сорока дел, что ли, мне кажется, на прошлую осень было. Я сейчас могу ошибиться, в 2015, по-моему, по представлению прокуратуры, что если должностное лицо не может обосновать свой доход, то могут, в порядке гражданского иска, конфисковать. Ну, что конфискуют: машину за миллион рублей при том, что человек с зарплатой 30 тысяч купил машину за миллион. Такого рода вещи, я имею в виду не ахти какие вещи. То есть где-то квартиру, где-то машину не смог обосновать. То есть, как вот уже коллеги говорили, для всех по-разному, то есть кто-то не может обосновать приобретение квартир. Вот, у нас расследование было по Rogozinu, например, там было 500 млн. Да, по-моему, у ребят было расследование по Шувалову... что-то 700 миллионов. Шувалов еще ладно, а у Rogozina проблема. То есть это не конфискуют как бы, сюда не лезут, а по мелочи как бы да. Поэтому Артём прав, что криминализовать не стали, но гражданскую конфискацию ввели.

Мовчан: Мы немного начинаем ходить по кругу, этот круг называется право собственности, право собственности, право собственности... Давайте поговорим, если получится, об обратной стороне. Сейчас идет деофшоризация во всем мире. И уже юристы советуют клиентам: плюйте на эти офшоры, всё равно толку мало. Офшоры это ж тоже рынок, как мы покупали себе «Мерседесы», чтобы ездить по России, потому что на «Жигулях» ездить опасно. Точно также покупали офшоры, чтобы владеть имуществом, потому что в российской компании неудобно. А теперь есть рынок, с которого уходят основные игроки, потому что государства начинают запрещать им оказывать эти услуги. Россия может получить что-то от этого рынка, мы можем попробовать как-то заменить в той или иной форме уходящие юрисдикции? И чего нам не хватает для этого?

Захаров: У нас есть вообще ЗПИФы, которыми пользуются все, кто попал под санкции, и очень успешно и непрозрачно, и не видно. Плюс у нас есть непризнанные юрисдикции типа Абхазии и всех остальных. Кроме шуток! Регистрируются и собственники в Москве на Арбате известные, в общем-то, компании из непризнанных юрисдикций. Нормально всё работает, всё хорошо. У нас есть Киргизия — супер отличная «отмывочная тема» в рамках этого Союза таможенного, как он там называется. Вот, и всё нормально, всё отлично! Нет проблем, замещается в полном объеме. BVI страдает от западных игроков, там все понятно. Метрополия дала всем по голове, и в семьдесят втором году, когда создавался кайманский институт, вот этот офшорный, им сказано было по распоряжению секретаря казначейства Её величества: «Ребята, воруйте у всех, у кого угодно, но только не у нас из бюджета». А тут началось, что на все BVI и «кайманы» стали вешать яхты и не только, и полностью весь собственный известный Туманный Альбион, улицы не хочу именовать. Вот поэтому, собственно, и 23 числа, и 26 числа, по-моему, и по SLP с шотландским

partnership'ом сказали, что: «раскрывайтесь, друзья, иначе штраф каждый день по 500 фунтов». А в России — всё нормально, ВТБ работает, молодцы!

Мовчан: Я почему еще спрашиваю, я как-то случайно попал в эфир, меня попросили прокомментировать что-то, и неожиданно я попал в пару по с телефону с депутатом парламента Крыма, которая сказала: «мы сейчас планируем привлечь много инвестиций, потому что мы обещаем иностранным партнерам, что мы не будем раскрывать то, что они перевели нам деньги — мы это сохраним в тайне. И, конечно, сейчас они все свои деньги сюда принесут, и всё зацветет». Вот меня интересует мнение: Крым, может, очень удобное место?

Гузей: Реально очень удобное! Но я бы здесь более широко сказал: вся Россия очень удобное место, потому что, продолжая вот то, что сказал Александр, когда мы имеем входящие из непризнанных республик. Я больше того скажу - мы из признанных республик активно привлекаем таких людей, которые используют Россию для себя уже как офшор. Потому что Россия пока ни с кем делиться ничем не собирается, понимаете.

Захаров: Вчера президент Приднестровья убежал в Молдову - на катере переплыл Днестр. Это немножко возвращаясь, извините, такое вот небольшое отступление. Если говорить, собственно, о том, о чём мы говорим, возвращаясь к «соге», к сердцу. Здесь и не надо говорить далеко. Дело в том, что Крым вообще, в реальности, он действительно существует в режиме Российской Федерации. Действительно, это территория, это часть, и переводятся деньги, и работает всё. И тот, кто хочет вкладывать из россиян, и даже из-под «санкционных», наверное, он и вкладывает, и растёт собственность. Я знаю, что когда работают даже иностранные инвесторы, они просят разрешения в известной комиссии [неразборчиво]. Им говорят: «Ребят, если вы работали там до этого, ну как там работают, соответственно, все эти иностранные инвесторы, они работали до этого всего события и сейчас продолжают работать, поэтому это не вопрос. Если с позиции западных регуляторов - нет проблем - ну, не вопрос». А если замешать капитал, замешать его можно, в принципе, тоже не вопрос. Это только дело техники, и дело в согласовании в рамках ручного управления. Извините, что долго.

Калинин: Мне кажется, что мы ведь очень четко выразили свою позицию с точки зрения обмена информации. Мы присоединились к конвенции компетентных органов. Да, там действительно формальные вещи не соблюдены, хотя ФНС нас убеждает, что платформа уже готова для автоматического обмена и остались какие-то нюансы. Мне кажется, что тут нужно обратить внимание на то, что именно Россия в первую очередь заинтересована в автоматическом обмене информацией, а не европейские страны. Потому что очень слабо я могу себе представить, что, допустим, немец начнет скрывать свои доходы, открыв счёт в Сибирском банке.

Захаров: А французы?

Комментарий: А вот, например, Швейцария очень заинтересована в получении информации из России. Почему? Потому что в кантон Женевы приходит Вася, который там прожил с российским паспортом с видом на жительство «С», и ему говорят: «А где ты будешь жить в России?» Он говорит: «А какая вам разница?» «Ну, как какая? Это у тебя недвижимость твоя или ты будешь арендовать? Вот если это твоя, то соответственно у нас вот «хотелка» на доходы арендные от твоей недвижимости, а сдаёшь или не сдаёшь — это твое личное дело». Поэтому это такое вот швейцарское начало. У других тоже. Германия то же самое: может, в отношении этих новых немцев, которые стали немцами по паспорту. Вот и других государств. Почему нет? А если возвращаться к теме автоматического обмена, здесь самый большой порок в том, что никто не контролирует, кто что кому дает. Нет такого. Всё на принципе добросовестности. Но, например, большой проблемой для Российской Федерации является то, что когда FATCA США весной 2014 года сказали, казначейство помахало и говорит: «Друзья, всё, спасибо, нам не надо». Ребята приехали из Вашингтона, им завернули проект Соглашения об автоматическом обмене. Всех попросили заключать напрямую с IRS. Соответственно, проблема в чём? Приняли закон, «Русский FATCA», типа по паспорту все финансовые учреждения должны сдать всех и вся. Говорят, кто-то сдавал, ну их проблемы.

[Возгласы из зала] Сдавали!

Захаров: Да, я знаю. Но суть в чём? Суть в том, что там есть положения, что ты должен сначала прийти в ФНС, постучаться и сказать: «Ребят, можно мне эту информацию отправить?» А они скажут: «Нет, нельзя». Так вот это вот основная проблема, которая сейчас на поверхности лежит. Это раз. Второе — это валютный контроль с его штрафом 100%, который является по всему миру произвольным изъятием имущества, а не денег. И третий — это наши возможности в рамках непризнанных субъектов: Крым, Абхазия, Приднестровье и другие какие-то регионы. Вот так, и, конечно, четвертый — это прогрессивные законопроекты Андрея Михайловича Макарова о «подсанкционных» налоговых нерезидентах, которые могут пойти по списку и сказать: «Нерезидент, нерезидент, нерезидент». Всё.

Мовчан: А можно чуть подробнее про этот проект?

Захаров: Смысл в том, что его приняли очень быстро. За неделю. Протащили этой весной. У всех был неблагоприятный вид, но всех понять можно: это политический ход. Суть в том, что если у тебя есть справка откуда-нибудь, например, как на Кипре, с 10 марта можно получить авансом, что ты — налоговый резидент. Аффидавит даёшь: «Я там живу, всё нормально, всё ою».

Желтоногов: Это просто подтверждение, по сути дела, нерезидентства.

Захаров: Да, и вот на основании такой справки, даже ты не уезжая туда -ты же подсанкционный -идешь в наш ФНС и говоришь: «Всё, я нерезидент, я живу, но я не могу выехать из России». Ему говорят: «Всё, ты нерезидент, ты нам ничего не должен, вот со своей зарплаты плати 13%, а в отношении всего остального, все, что у тебя есть за рубежом, — это пусть тебя дерут там злые партнёры наши».

Поминов: А правильно я помню, что там ещё задним числом возмещение?

Захаров: О возмещении ничего прямо не сказано, там сказано, что применяется с 14 года, чуть ли не тогда, когда произошли крымские события. Вот такой интересный прогрессивный момент.

Желтоногов: Вы знаете, по поводу налогообложения я хотел бы сделать шаг назад, всё-таки это — наиболее близкая мне тема. Вы все, наверное, в курсе аббревиатуры БЕПС — борьба с уклонением от налогообложения и размыванием налоговой базы. Все те 15 действий, которые уже есть и которые разработал ОЭСР, были разработаны на протяжении лишь нескольких лет, что очень и очень быстро. Учитывая то количество стран, которые в этом участвовали и участвуют, это, я считаю, не просто налоговая революция, это вообще что-то! Наша страна в этом активно участвовала, мы делились информацией...

Левашенко: Работая с ОЭСР, регулярно находясь на этих комитетах по налоговым вопросам, в том числе с четырнадцатого года, когда БЕПС начал реально работать, действительно, пока Мишустин председательствовал на глобальном форуме по прозрачности и транспарентности, Россия была достаточно активна. Сейчас Россия совершенно неактивна в ОЭСР, и, к вопросу о многостороннем автоматическом обмене, у нас же еще кроме МС CrS есть и МС СвС — межстрановой отчет по транснациональным компаниям. Мы опять также красиво всё подписали, но опять же ничего не ратифицировали, опять никаких конкретных изменений, хотя СвС немножко лучше — мы законопроект подготовили чуть раньше. Но удивительно то, что мы собираемся использовать полученную информацию в налоговых целях, что напрямую противоречит стандартам ОЭСР. Так делать нельзя, это неправильно.

Из зала: Ну да, и в валютном контроле говорят: «Мы сейчас получим, и вас как всех закошмарим!»

Захаров: А к вопросу о валютном контроле, мы уже ушли от этой темы, но вы вернулись, я дополню. Действительно, никакой помойки создано быть не может, потому что у России замечательное законодательство о противодействии отмыванию денежных средств под ФТ — 49 рекомендации. Шикарная работа!

Из зала: И у нас нет бенефициаров по закону.

Захаров: Банковский контроль — «знай своего клиента в лицо» - более или менее в России тоже работает. Поэтому помойку создать мы не сможем, а валютный контроль... В России? По противодействию отмывания работает. Вот с этой целью. А вот то, о чем говорил коллега, конечно, с точки зрения того, что вас просят всё, что вы хотите. Что за компания, куда направляют... тот рискоориентированный подход, который есть в европейских странах, конечно, такого у нас нет. Но это вопрос банковского контроля, не валютного.

Желтоногов: И по поводу самого обмена информацией. Вы все прекрасно понимаете, что наши налоговые органы начали прекрасно взаимодействовать с рядом европейских стран и неевропейских стран, обмениваются информацией и делают запросы. Эти запросы... если вначале они носили очень общий и расплывчатый характер ... это было больше похоже на Fishing Expedition, просили раскрыть конечного бенефициара, и от них можно было отбрыкаться и говорить, что нет, будьте конкретными, давайте смотреть на соглашение, что соглашение позволяет сделать ... То сейчас запросы являются целенаправленными, относятся к конкретным налоговым проверкам и иностранные налоговый органы все более охотно делятся информацией. Судебные дела, которые упоминались... сколько уже про бенефициарного собственника — больше 20, и если в начале касались дивидендов, процентов и роялти, то теперь появляется и прирост капитала, то есть сделки. И по многим из них (если не по всем) налоговые органы иностранных государств охотно отвечали на запросы наших налоговых органов!

Захаров: Это правда, но это касается только крупного бизнеса, безусловно крупных компаний, которые являются централизованно интегрированными холдингами и которые являются публичными, то есть их информация рассредоточена по всему интернету. Вбиваешь кого-нибудь, всё вокруг обростаёт. Даже гуглить не надо, то есть это упрощает вопрос запроса. Если мы говорим об автоматическом обмене, да, действительно, это более прогрессивный шаг. Но кто кому и как даст, мы не знаем. Мы посмотрим. По крайней мере. Дмитрий Валерьевич [неразборчиво] говорил о том, что мы пока подождём, посмотрим, как у них там всё разваливается, на «загнивающем западе». Посмотрим и поменяемся в году девятнадцатом на восемнадцатый. Вот как Швейцария сейчас предлагает. Швейцария давно уже, кстати, предлагала нашим, наши сами не хотели. Но ещё к БЕПСу возвращаясь... Это действительно очень интересная тема. Я, честно говоря, считаю это популизмом и тратой денег, выбросом денег на конкретных экспертов. Это хорошо для консультантов.

Но тот же, например, большой хоровод, который собрался недавно по multilateral instrument, так называемой многосторонней конвенции по обеспечению применения БЕПСа, он выявил следующую позицию, как лебедь, щука и рак у Крылова. В чистом виде: все в разные стороны покричали, и в итоге у нас ничего не изменилось с Кишром, слава Богу, очень хорошо.

Торчинский: Изменилось несколько вещей. Во-первых, с точки зрения сделок и дивидендов, вот это 365 дней появилось правило, ну, если он будет введен. Что касается самих этих тестов на основную цель, он появился тоже теперь, этот тест.

Захаров: Безусловно. Если ты делаешь холдинг на Кипре, и это основная цель, то есть на Кипре ты холдинг не можешь делать, если у тебя нет желания туда переехать и там осесть. То есть происходит выжимание этого российского предпринимательства, даже мелкого, на Кипр. То есть если ты занимаешься IT, айтишник, хочешь стать Виталиком Бутериным, майнить чего-то там, посмотри на то, что тебе делает государство, ты иди отсюда. Иди отсюда туда и там, собственно, не плати налоги.

Торчинский: Хотел бы продолжить дискуссию на тему «Есть ли перспективы Крыма как следующий бивиайки, или можем ли мы стать Сейшелами как вся страна». Я просто хотел бы бросить линк на соглашение, которое вроде как должно, наверное, когда-то быть со Швейцарией по автоматическому обмену — это единственное, с кем мы встали на какой-то трек прямо конкретный, и они, кроме того, что на сайте разместили, они еще и supporting documents выложили. В этих supporting documents, если почитать, можно много интересного найти, по крайней мере, логику и ход мышления. И вот один из кейсов, который там приведён: там комментарии со всех кантонов есть, комментарии профессионального сообщества, юристов и так далее. И один из кейсов выглядел таким образом: а как мы, Швейцария, будем по CRS воспринимать человека, который живет в Крыму. Вот он пришел с паспортом швейцарский банк...

Захаров: То есть это кейс такой. Если ты приходишь с пропиской из Приднестровья, с приднестровским паспортом, они говорят: «А кто ты такой вообще? Мы тебя не обслуживаем». А если ты приходишь соответственно уже с молдавским паспортом и кишинёвский пропиской — не вопрос. Это, забегаю вперед, про Крым. Поэтому, если про Крым смотреть, это все тематика, можно ли делать то, что хочет администрация, скрывать или не скрывать... Скрывать-то можно всё, что угодно. Вопрос в том, что для того, чтобы сейчас скрывать, уже никаких законов принимать не нужно, потому что у нас очень просто информация удаляется из ЕГРП из ГРЮЛа в отношении... Я не знаю, как с цифрами это правильно сказать...

Мовчан: Сначала шифруется, потом удаляется.

Захаров: И возникают такие персонажи матрицы, имена которых мы даже выговорить не можем. Но суть в чем? Суть в том, что если мы должны идти к тому, что нам нужно от офшоров: позитив или негатив? В принципе, я знаю, что консультант [неразборчиво] не поддерживает. Но я считаю, что эта возня с КиКами и со всем остальным ушла давно на задний план, потому что всё, что

будет предприниматься, это будет предприниматься и рассматриваться с точки зрения противодействия капиталу, который может возникнуть у оппозиции. Потому что есть те, кому можно, и те, кому нельзя все это делать. Вот этот капитал в рамках тех групп непризнанных миллионеров или не состоящих в списке Forbes, и вот эти люди, собственно, не могут так зарабатывать. Почему, когда компания была Навального, когда вскрылась, что можно дарить миллиарды без налоговых последствий, когда залезли и начали понимать, как физические лица друг другу переводят деньги, они сказали: «Так это же всё законно, всё нормально». Они же докопались до чего? До того, что не соответствующим целям расходование средств. То есть это единственное, за что можно было зацепиться, потому что по сути своей палка о двух концах. Если запрещать, то для всех. Но когда начинают приходиться контрольные органы и разваливать все эти вопросы, не знаешь, кто всплывет.

Торчинский: Ну, слушайте, я сразу отвечу. У нас средний размер пожертвований, простите, полторы тысячи рублей.

Комментарий: Не проблема, не проблема. Я же не говорю, что это проблема.

Комментарий: Тридцать тысяч жертвовал, по-моему Дмитрий Борисович Зимин. Но это на президентскую кампанию.

Комментарий: Я только говорю о том, что практика воспринимается, что кому-то можно, а кому-то нельзя. Вот только об этом. А если говорим о Charity и о благотворительности, то это вообще отдельная тема: тут иностранные агенты и по кругу.

Мовчан: Да, а с другой стороны я сейчас подумал, что у нас уже есть практика работы с разными банками, и если вы берете какой-нибудь highly eligible Swiss bank и хотите перевести туда деньги из прибалтийского банка, они говорят: «Мы не верим этим ребятам из ЕС». А если вы переводите туда деньги из ВТБ, то всё ОК у них.

Комментарий из зала: Существуют такие негласные презумпции. Вот это и называется ручное управление в рамках, так сказать, Red Code. Помните, фильм был про Гуантанамо, когда там офицера вызывают и спрашивают: «Что такое Red Code»? А он говорит: «Я не знаю, что такое Red Code». То есть неписанные правила. Вот неписанные правила рулят, а для всех остальных существует налоговый кодекс и так называемые письма по ФДП.

Мовчан: Да! И он у них тоже существует, безусловно. Несмотря на то, что существуют regulations и существуют требования в рамках конкретных корпораций.

Гузей: А можно про швейцарский банк сказать? Они сами посеяли это зернышко. Вот это профессиональное суждение, когда compliance офицер

донесет на кого-то, его за это никто не накажет, даже если он неправильно донес. Заведут дело, может быть, что-то заморозят, может быть, потом что-то когда-то разморозят. А мы по такому пути можем ли вообще пойти когда-нибудь?

Мовчан: Это риторический вопрос.

Комментарий: Почему риторический? Абсолютно нет. Реальный кейс из практики. Даже не в разрезе compliance. Точнее, в разрезе compliance, но который идет на 2 шага впереди него. Значит, в отношении гражданина, который находится сейчас под домашним арестом, и в отношении него возбуждено уголовное дело, он проходит по нему обвиняемым, в следственный орган приходит информация от швейцарского банка. Без запроса со стороны следственного органа швейцарский банк в сопроводительном письме пишет: «Уважаемый следственный орган!» Я утрирую, но, в общем-то, это реальность, это как есть в материалах дела. «Мы из средств массовой информации узнали, что есть товарищ, который вот под домашним арестом. И поэтому, смотрите, мы тут вам, короче, две коробки документов выслали...» Я могу честно сказать, адвокат, который ведет дело этого товарища, сказал: «Мой подзащитный поседел, буквально при мне... ну условно говоря, у него поседели волосы, выпали волосы, в общем, всё сразу». Потому что швейцарский банк взял и выгрузил всю информацию по всем транзакциям от начала до текущего момента.

Мовчан: Вообще, надо понимать, что такое compliance. Compliance в западной структуре — это единственный институт, который наделен правами инквизиции сегодня. Он стоит над законом, он не обусловлен никакими правилами и правами по определению. Compliance офицер имеет право на что угодно, потому что он так решил. Они сами вводят у себя правила, они сами разрабатывают стандарты внутри организации, и сами их нарушают и дополняют по желанию. Мы в какой-то момент пытались говорить на очень высоком уровне, включая Кристин Лагард, а нельзя ли создать компанию, которая будет оказывать услуги compliance. Они сказали: «Вы что, обалдели? Compliance будет делать каждый банк сам. Это принципиальная позиция для нас». Более того, если Credit Swiss сделал на вас compliance, это для UBS ничего не значит. Более того, если UBS сделал на вас compliance в Гонконге, это для UBS в Швейцарии ничего не значит. UBS Гонконг не имеет право передать информацию о compliance UBS в Швейцарии. Причем то, с чем мы сталкиваемся - к нам же клиенты приходят — это фантастические совершенно запросы. Человек был советником вице-губернатора год, через 5 лет после того, как он заработал свои деньги. Compliance говорит: «Вы должны нам доказать, что он заработал свои деньги не благодаря тому, что он был советником вице-губернатора». Говорим: «Это случилось намного раньше». «Ну и что? Представьте нам доказательства того, что не было влияния, тогда мы можем принять человека». Постоянно получаем запросы типа: «Развейте наши

опасения, основанные на том, что ваш клиент упомянут в статье, в которой упомянут так же депутат Думы». Как развеять? В Европе compliance officer несет уголовную ответственность за допуск в банк «неправильного» клиента. Мотивации допускать у них, соответственно, никакой, а право не допустить — абсолютное, как у вышибалы в дорогом клубе. Это просто так. Я прошу прощения, это не по делу, как иллюстрация того, как работает compliance там, и надо сказать, что я нигде не видел в России ничего похожего даже близко. Здесь всё намного более как-то спокойно.

Комментарий: Это недостаточность квалификации сотрудника там.

Поминов: Я про compliance могу много историй рассказать, потому что мы дружим мы с ICA, с Екатериной Пустоваловой, много с кем. Это можно отдельный круглый стол собирать, просто мы сейчас запутаемся. Я хотел бы маленький анекдот рассказать, чтобы градус дискуссии чуть-чуть понизить. Мы в декабре выпустили доклад по финансированию политических партий. Как у нас политические партии от кого получают деньги. Так вот, оказалось, что Единая Россия и ЛДПР получали большие пожертвования (для них, может, небольшие), миллионы рублей, скажем. Для партии небольшие, но существенные такие. Обнаружилось, что половина из жертвователей имеют офшорных владельцев. И дальше мы приходим к вопросу о том, кому чего можно. Моя организация признана иностранным агентом. Не спрашивайте, что это такое, это тоже отдельная тема для дискуссии. Просто называемся иностранным агентом. Что нужно сделать, чтобы быть иностранным агентом. Нужно иметь иностранного донора и заниматься политической деятельностью. Моя организация, например, признана иностранным агентом, потому что мы имеем иностранных доноров. И наша политическая деятельность состоит в том, что мы просили отменить закон об иностранных агентах. И еще делали экспертизу нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов, будучи аккредитованными при Минюсте. Две причины, почему мы иноагенты. При этом Единая Россия и ЛДПР, которые обе получают деньги от компаний, которые принадлежат кипрским, там еще каким-то бивиаечкам, еще кому-то — в декабре у нас доклад был — и уж точно занимаются политической деятельности, не являются иностранными агентами. Вот такой анекдот.

Мовчан: Здесь, наверное, как раз у нас субъективизм compliance сработал.

Матиас: Андрей, еще комментарий по поводу compliance. Мы тоже знакомы с швейцарским compliance. Мне кажется, узнавали по поводу новой такой вещи... Есть интересная вещь для инвестиционных компаний — это активно торгуемые сертификаты. Столкнувшись тем, что в фондах и в банковских сферах очень тяжело сейчас пройти compliance и, соответственно, даже фонд, имея соответствующий счет в швейцарском банке, сталкивается с тем, что многие не могут купить соответствующий фонд, особенно если это близость к политике, то есть если ты признаешься так называемым politically exposed person. И вот

швейцарцы предлагают, сейчас проходит обкатку такая вещь, уже есть несколько вариантов — это активно торгуемые так называемые сертификаты, когда стратегия управляющего оборачивается в специальный продукт, имеет ICIN, и любой человек, имеющий счет у брокера — Сбербанк, ВТБ — и не важно, какую он занимает должность, соответственно, может приобретать данный сертификат, эмитентом которого является Credit Suisse, UBS, любой швейцарский банк. Соответственно, проходить compliance тебе не требуется, и при этом ты получаешь доступ к определенным продуктам, то есть интересно, что развивается и compliance, и другая, скажем так, сторона предложения для получения доступа к определенным инструментам. Здесь, конечно, есть свои плюсы и минусы, но вот такой интересный пример.

Мовчан: Это тоже отдельный разговор. Я не понимаю, как это выглядит. Это дырка просто получается, потому что нет никакой идентификации источника денег. Надо посмотреть. Но я знаю, что это уже делают, действительно. И причем делают в страшных совершенно вариантах. Смотрите, по времени мы свой регламент уже прошли, но наш ресторан работает до последнего гостя, поэтому если вы хотите еще продолжать высказываться, то мы еще можем делать.

Захаров: Мы немножко отвлеклись, такой юридический налоговой коллоквиум вышел интересный, я, кстати, много нового узнал. Но в принципе, мы хотели поговорить о реинвестировании в российскую экономику из офшор. Я взял пару слайдов, пару графиков распечатал сегодня буквально. Прямые иностранные инвестиции в Российскую Федерацию в миллиардах долларах США. Тринадцатый год, до всех событий — 70 млрд почти... 69. В четырнадцатом году — 22. В пятнадцатом — 6,9, ну... 7. И в шестнадцатом чуть побольше — 33. Откуда пришли: Сингапур, Багамы, Бермуды, Франция... всего два. Ну и так далее. Совсем мало BVI. Совсем мало. В принципе, BVI стремительно упал. Кипр остался, но увеличился стремительно Сингапур.

Комментарий: Вы намекаете на сделку с Роснефтью, это все же знают. Ну а что тут такого? На самом деле, все же очень прозрачно... То, что происходит на западе, там понятно, что вокруг крупных компаний большие деньги. А у нас вся капитализация, собственно, рынка она вокруг, мягко говоря, одного участника американской экономики. Поэтому куда качнет уважаемого товарища, туда и пойдёт он. Видите, как арестовывают акции... Последний арест акций «Системы» отлично показывает, что в нашем большом море места для мелкой рыбы не совсем... Давайте говорить честно: крупная рыба — она одна.

Мовчан: Американцы говорят: «Big fish eats small fish». Кстати, по поводу «Роснефти»... Здесь очень представительная панель экспертов. Давайте, я хотел бы даже, так сказать, голосовать. Кто считает, что сделка с Роснефтью прошла с деньгами Центрального Банка? «Роснефтегаза» и Центрального Банка, так скажем, такой альянс.

Комментарий: Это пойдет в протокол?

Мовчан: В протокол пойдет моя фраза «значительное количество участников поддержали эту точку зрения».

Комментарий: Система целенаправленно была выстроена таким образом, чтобы был всегда крайний. Понимаете, если нужно будет в итоге найти крайнего, они скажут: «это Газпромбанк». Или «Газпромбанк» скажет: «ну я же... вот там вот старший брат есть». Собственно, система, если уже совсем глубоко подходить, связана с обналичиванием денежных средств, которая долгое время в России работала и работает. Как правило, это трех-четырёхзвенная система, состоящая из тех же самых банков. Бенефициар всегда один или два, максимум. Не будем скрывать, как правило, это ВТБ. То есть бенефициар всей этой темы — это ВТБ. Дальше номинируется более мелкий банк, который входит, условно говоря, в первую двадцатку или тридцатку. Банк из первой двадцатки или тридцатки номинирует банк из сотни, банк из сотни номинируют банк, который входит в 500 или 600 банков. Мы от этого никуда не ушли. И в рамках налогообложения ровно также у нас работает: как доходят до низа, если есть возможность подпрыгнуть и головой ударить или кого-то задеть рукой, подпрыгнет, ударит - налоговая туда придёт. Но понятно, что тот, который на четвертом уровне, до первого никогда не допрыгнет, а ко второму побоятся прийти. Вот в этом проблема. И она опять сваливается в одинаковый закон, но неравный характер его применения. Вот основная проблема, она понятная всем.

Мовчан: У нас из такого технического совещания получился митинг какой-то.

Заякин: Я хотел бы сделать такую маленькую ремарку в качестве журналиста-расследователя. Здесь, собственно, большинство тех, кто собрались на сегодняшнем мероприятии, скорее обсуждали вопрос о том, как защитить бизнес от излишнего регулирования, от излишнего внимания налоговых органов, и, с другой стороны, не превратить нашу юрисдикцию или другие юрисдикции в помойки. А меня, как и меньшинство тех, кто здесь собрался, как, например, коллегу из Transparency, коллегу из РБК, скорее интересует как раз та негативная сторона очень, скажем так, небольшого количества офшоров, которые в том числе используются для того, чтобы что-то выводить. Хотя я здесь полностью поддерживаю Андрея, который правильно заметил, что это скорее такая случайная и вторичная функция офшоров, но, тем не менее, она очень важна с точки зрения того, чтобы кого-то поймать. Так вот я с большим интересом послушал то, что сейчас говорилось про новинки в области валютного регулирования и контроля за компаниями, которыми владеют иностранцы, и пришел для себя к очень неутешительным выводам, собственной, как вот для нашей неюридической части этой панели. Бизнесу, по всей видимости, от тех мер по повышению прозрачности, автоматическому обмену информацией, усилению мер того же самого валютного контроля, и от деофшоризации, как таковой, будет плохо, а нам, как журналистам, так и

политикам, так и NGOs — им лучше не будет, потому что пока что я не вижу, чтобы из тех мер деофшоризации, которые обсуждались, выводились бы эффективные для нас инструменты расследования. В качестве примера: у меня, допустим, сейчас лежит несколько историй, которые уперлись в компаниях BVI. Я, честно говоря, почему-то не верю, что после всех этих мер по деофшоризации я увижу, кто там на самом деле бенефициар. Что бенефициар не убежит куда-нибудь в Юго-Восточную Азию, в Тихий океан, то есть в какие-то места, которые будут вне рамок покрытия нынешних соглашений по обмену информации и так далее. У меня скорее сложилось такое достаточно пессимистическое видение, опять же подчеркну, с точки зрения вот той довольно вторичной функции офшоров по сокрытию ворованных денег, которая мне лично интересна... не в смысле, что я там что-то прячу, а, наоборот, в смысле, чтобы там что-то открывать.

Калинин: Тут ведь дело в том, что нам налоговую тайну ведь никто не отменял. Безусловно, автоматический обмен информацией, так или иначе, заработает... сегодня или завтра — это другой вопрос. Но налоговая тайна ведь сохраняется. И самая главная проблема... Я здесь вернусь к тому опросу, который мы делали. А собственно в чём проблема-то? Почему бизнес, допустим, меняет налоговое резидентство? И наиболее популярный ответ — это риск утечки информации. Налоговая тайна. Разумеется, вы, журналисты, ничего не должны в принципе получить в рамках этого автоматического обмена. Это только налоговый орган и исключительно в целях налогового контроля.

Захаров: Маленькое дополнение. Когда «Panama papers» появились, действительно, безусловно, они должны были нести серьезное значение, и преследовали они благую цель. Но между нами говоря, риски они создали несусветные не только со стороны недобросовестных правоохранителей, которые ходили «кошмарили» тех лиц, паспортные данные или установочные данные которых были найдены в Panama papers. Я об этом коллегам, с кем я общался из СМИ, сразу говорил, что, «ребят, это всё хорошо, но это должно быть как-то так ограничено, чтобы ни третьи лица, ни бандиты не могли найти тех людей, которые использовали эти офшоры, да, так же как и corrupted PEBs, но которые использовали именно для защиты себя от того, что произошло». Потому что у каждой палки два конца. С одной стороны, преследовалась благая цель — найти тех людей, которые нажили свой капитал недобросовестно. Но и накрыли медным тазом большую часть предпринимательства среднего и малого, которая пыталась каким-то образом после того, как она уплатила налоги в России, вывести копейки на иностранные счета, чтобы они там просто лежали и их не «схапали» или не постригли как на Кипре, например.

Торчинский: Но простите, база «Panama papers» была доступна только журналистам, и она не была...

Захаров: Не знаю, я открывал и всё находил легко. Вот например...

Заякин: Там не было паспортных данных людей.

Захаров: Ну, давайте так. Адреса там были указаны.

Комментарий: Адреса были, но там не было паспортных данных.

Захаров: Нет, я не о паспортных данных. Давайте не будем цепляться к деталям, сказанным мной паспортным данным. Это не важно. Сейчас важно другое: мы были в числе тех самых фасилитейтеров, которые помогали сделать эту информацию доступной. Это самое важное.

Мовчан: Мы немножко уходим из экономической темы — хотя и не хотели уходить — уже в область даже не политики, а морали. Можно ли воровать информацию про воров.

Кабулаев: А можно ещё про «Panama papers» добавить, если вы не против. Тот формат, в котором это всё выложили, он важен. Ведь «Panama papers» недоступны публике вообще. Доступна какая-то переработанная, возможно, фрагментированная часть. Возможно, непроверенная. И доступны журналистские расследования, которые в отдельных случаях очень ангажированные. Т.е. немецкие журналисты смотрели на немецких политиков, исландские — на исландских политиков. Российские — на российских политиков и крупный бизнес. Но вообще говоря, это же получается, что у нас есть каким-то образом — правомерно или неправомерно — добытая информация где-то зависла... Вот эти оригинальные документы про музыкантов или не музыкантов... Все же написали, что есть якобы конкретный человек, у него столько-то денег где-то. Но никакого документа никто не выложил. Хотите обвинить — пожалуйста, выкладывайте документы, обращайтесь в правоохранительные органы с заявлением о преступлении. Давайте посмотрим, что это такое. У нас получается, что у нас есть некое слово журналиста *versus* слово какого-то другого уважаемого человека, который сказал примерно: «Это все не так было, все нормально. Нажил человек правомерным путем, да еще и благое дело делает». И никаких претензий нет. Что плохого-то в этом. Бездоказательность с одной стороны влечет бездоказательность с другой страны.

Поминов: Андрей уже намекнул, что пора сворачиваться. Я хотел одновременно ответить Андрею Заякину и как-то ответить на последний вопрос, озвученный в самом начале: а что будет дальше? Андрей — создатель Диссернета. Они охотятся за людьми, которые защищали диссертации представляете когда. Мог ли себе представить человек, который 20, 30, 40 лет назад защищал кандидатскую или докторскую диссертацию, что появится Андрей Заякин, который найдет этот текст в электронном виде каким-то образом, потому что Ленинка или Национальная библиотека оцифровали его, сравнит с миллиардами страниц других текстов автоматизированной системой,

а потом вручную. Мог ли он себе представить это 20—30 лет, да даже 10 лет назад? Наверное, нет.

Теперь переходим к нашей теме офшоров. Мог ли человек, который прятал деньги в офшорах 10... Первым кто нас был? Lux leaks? Какая-то первая утечка... Да, могли ли они себе представить, что офис Mossack Fonseca, я не знаю, разные бывают версии... одна из самых надежных компаний сольет эту базу каким-то образом... Я был рядом с офисом Mossack Fonseca, это медицинская клиника. Только там почему-то два человека с оружием его охраняют, а так медицинская клиника. Могли ли они себе это представить? Нет, не могли. Соответственно, как мне кажется, гадать, что точно будет, как именно, что мы получим — это в пользу бедных. Но, во-первых, абсолютно верно, блокчейновые технологии у нас развиваются, и, соответственно, сделки безусловные, за сделками больше будут следить. И второе, самый главный тренд, который я бы подчеркнул (за этим много чего стоит, просто времени уже нету) — это все тайное становится явным. Вот на что я бы хотел обратить внимание. И соглашение такое-то, и его правоприменение, и то, что мы спрятали что-то под ковер, спустя двадцать лет оказалось, что кто-то списал диссертацию какого-то немецкого профессора, переведя ее на русский язык. Есть у нас такие люди? А? Мне казалось немецкого... Ладно, американского... Мне кажется, что имея дело с клиентами, еще с кем-то, обязательно нужно иметь в виду, что как бы ты там чего не крутил, главное — то законодательство, которое существует на данный момент, должно быть соблюдено. Потому что не спрячешь. В современном мире это невозможно. Используй для оптимизации, используй для защиты прав собственности, но не используй для нарушения закона. Вот это кажется очень важный мессадж.

Захаров: Но если закон сам принят для того, чтобы нарушать права собственных граждан, это как?

Мовчан: Это оксюморон. Невозможно принять закон, чтобы нарушать права. Закон — это и есть права.

Захаров: Понятно, я просто говорю о том, что на самом деле говорить о том, что вывернем все кошельки и все карманы — это тоже в достаточной степени преждевременно и необоснованно...

Поминов: Это риск. Надо просто понимать, что может наступить маловероятное событие.

Захаров: Просто мне кажется, в бизнес-модель нужно закладывать повышающуюся информационную открытость в целом. Вот и все.

Заякин: Я хочу поделиться очень коротким статистическим наблюдением. У меня есть странное хобби — чтение реестров насквозь. То есть не то, чтобы я искал в нём какого-нибудь конкретного Иванова, Петрова, Сидорова. Я просто

сизу периодически и читаю тысячи строк реестра и кого-то из них гуглю. И вот по моему впечатлению, politically exposed persons встречаются там не чаще чем 1 на 30 или 1 на 40. Если я беру выгрузку из любого иностранного реестра, даже очень популярного у русского бизнеса, то не чаще. Это два с половиной — три процента. И поэтому мне безумно жалко всех мелких бизнесменов. Я делал для себя несколько разрезов по разным регионам. Вот допустим, мой домашний регион Якутия, еще несколько регионов. Там почти не нашлось никого politically exposed. Но мне ужасно жалко, что к тем простым бизнесменам с оборотами порядка сотен тысяч или миллионов долларов придут какие-то нехорошие местные бандиты в погонах и будут их «кошмарить». Поэтому я не разделяю оптимизма на тему того, что открытость бизнеса будет повышаться, и всего лишь нужно заложить некоторые дополнительные риски и не делать плохого. К сожалению, даже если не делать плохого, то будет очень плохо.

Мовчан: Можно я задам вопрос на уровне худшего комментатора Facebook? Вот я много лет занимаюсь бизнесом и много лет подряд я платил подоходный налог в размере несколько миллионов долларов. Ко мне ни разу не пришел никто в погонах и не начал меня «кошмарить». Просто ну ни разу. Я даже их не видел на горизонте. У нас есть статистика, мы понимаем, что действительно если про человека узнали из газет, что у него в офшоре миллион долларов, то к нему тут же пошли в погонах? Откуда такая информация, откуда такая версия?

Гузей: Андрей, здесь неслучайно в первую очередь остановились и заострили внимание на регионах.

Мовчан: То есть мне повезло, что я живу в Москве.

Гузей: 100%. Вот я реально могу сейчас обозначить точно регионы только с налоговой точки зрения, в которых не просто на уровне слухов дело обстоит так, что оттуда люди стараются получить регистрацию в другом регионе и переехать, начиная с индивидуальных предпринимателей и заканчивая компаниями. Но и дальше все идет на уровне правительства этого региона с привлечением специалистов налоговой службы создаются специальные комиссии, которые выясняют, что же вам не нравится в работе в нашем регионе. И эти новости уже сейчас публичные. Они реально вызывают предпринимателей и спрашивают: «Вы почему решили уехать? Наверное, вы от налогов хотите убежать в нашем регионе». Они говорят: «Мы никуда убежать не хотим, вы проверками уже надоели». Они такие: «Нет, ну, давайте мы всё-таки проверим, а потом вы, может быть, и уедете. Может быть».

Поминов: Я бы хотел бы заметить, что неправильно были поняты мои слова. Я совершенно никак нормативистский подход не использую. Я не говорю, хорошо это или плохо. То есть это не оптимизм и пессимизм, не то, что там приходят или не приходят проверки. Я совершенно не говорю, хорошо это или плохо. То, что для кого-то хорошо, всегда для кого-то плохо. Я вообще не об

этом. Я говорю о том, что это факт. Это будет дальше становиться тенденцией: сегодня здесь слили, там слили, тут кусок информации, там кусок информации. Просто не удастся засекретить. Информационные технологии просто так устроены, вот и все.

Комментарий: США так живут уже давно и без проблем.

Мовчан: Кстати, да, в Америке же, скажем, реестр недвижимости открыт.

Гузей: Он и у нас был открыт до определенного времени.

Мовчан: Я бы немножко в другую сторону задал последний вопрос. Есть такая идея, что в российском законодательстве есть много разных законов, которые ты можешь исполнять и добиваться результата, который тебе нужен. Но если это не тот результат, который нужен государству, то государство скажет, что это схема, что бы вы ни сделали. Вы поженились, и после вашей смерти имущество досталось супруге. Приходит государство и говорит, что брак был схемой для того, чтобы передать имущество. И так далее (Шутка, конечно, про брак, но суть такая).

У меня вопрос. Если так всё будет действительно прозрачно, оно действительно будет, наверное, очень прозрачно... насколько вероятно, что российское государство скажет, что вообще любая офшорная структура — это схема сама по себе, и, условно говоря, целью этой схемы является не бизнес, а смена, скажем, правоустанавливающей системы на британскую. Поэтому мы вообще не считаем, что у вас существует офшорная часть, а предполагаем, что у вас есть только российская. Насколько это вероятно?

Захаров: Именно так и было сказано президентом страны в декабре тринадцатого года в послании Федеральному Собранию. Он сказал, что нужно сделать так, чтобы было невыгодно использовать иностранные инструменты. Неважно как, зачем, почему. То есть важно вернуть. И он когда говорил, он диспозицию высказывал, что многие бегут от российской юрисдикции. Этот посыл являлся основным.

Мовчан: Я так понял нашего президента, что надо сделать, чтобы было выгодно в российской юрисдикции держать, а вы так понимаете, что президент указал в российской юрисдикции ничего не менять, но сделать так плохо в офшоре, чтобы все равно возвращали... То есть просто с любыми средствами, чтобы было невыгодно. Ок.

Калинин: Можно тоже комментарий на эту тему. Мне кажется, что на самом деле российское законодательство предусматривает достаточно конкретный ответ на поставленный вопрос. Две вещи: деловая цель сделки и ее экономическая обоснованность. Всё. То есть если мы создаем зарубежную структуру, и у нее нет так называемого substance (фактического присутствия в

стране ее инкорпорации — офис, персонал и т.п.) и нет никакого бизнес функционала, значит корпоративная структура является искусственной, созданной для налоговой оптимизации, и тогда, конечно, это высокий риск. С другой стороны, если зарубежная компания (партнерство, фонд, траст) органично вплетена в бизнес-структуру холдинга, у неё есть определённые бизнес-функции, она несет риски, она имеет определенные активы, то в этом случае, наверно, риск признания такой структуры искусственной, созданной исключительно для целей налоговой оптимизации, является невысоким.

Мовчан: Я делаю холдинг, условно, на Кипре ровно с одной целью: чтобы выпустить 3 класса акций и иметь три типа собственников. Дальше ко мне приходит налоговая и говорит: «Какие три класса? Ты что, с ума сошел? Это же схема — нет, будет по российскому праву, один класс».

Поминов: А вы везунчик, Андрей. Как вы сказали... «За много лет ни разу не приходили»? Вы везунчик!

Калинин: Вы очень задаете конкретные вопросы. Мы говорим о чём? Говорим о том, насколько будет обосновано применение налоговых льгот, скажем, которые предусмотрены по соглашению с Кипром, или что-то иное?

Мовчан: Нет, меня не налоговые льготы волнуют. Бог с ними. Там все будет как с КиКами, все будет прозрачно. Меня волнует другая ситуация. Создается холдинг на Кипре. Там есть три класса акционеров. Эти три класса акционеров начали что-то получать. В конечном итоге — активы в России. Потом приходит не знаю кто из России и говорит: «Это всё схема, а раз это схема, значит, собственники — не собственники, раз это схема; более того: вот например, изначально один собственник дал все деньги, а другой — построил бизнес. Первый получил 1000 акций класса 1, но по договору — 49% прибыли, второй — 10 акций класса 2, но 51% прибыли». Теперь все объявлено схемой, тот у кого 1000 акций претендует на 1000/1010 от прибыли, второй, построивший бизнес, выкинут. Я правильно понимаю? .

Калинин: Давайте так. Я отвечу на конкретный вопрос. Если мы говорим про схему, то это пока предмет налоговых споров, когда иначе квалифицируется конкретная хозяйственная операция. Вот в той ситуации, о которой вы говорите, скорее всего под вопросом будут поставлены средства, которые выводятся из России. Потому что если это Кипр, то, скорее всего, всё-таки применяется соглашения об избежании двойного налогообложения — это 5% на дивиденды, 0 — на проценты и ноль на роялти. Вот если мы говорим об этом, да, действительно риск есть. Если мы говорим о каких-то других потенциальных рисках... Что? Валютный контроль? Или какие риски? Давайте идентифицируем риски.

Мовчан: Предположим, «Система» и «Роснефть» создали совместно кипрский холдинг, в котором «Роснефть» получила 100 привилегированных акций и

которые дают 5% дивидендов, а Система получила «100» голосующих акций, которые дают 95% дивидендов. После чего Роснефть пришла в суд и сказала: «Это все схема, мы имеем право на половину, потому что у нас сто акций. У акций ведь не может быть разных прав по российскому законодательству».

Калинин: Ок, но тогда мы говорим о гражданско-правовом споре исключительно, а дальше вопрос применения права...

Захаров: Я думаю, что вы совершенно корректно изложили то, как развивается все это. Все это действительно пришло бы к тому, что мы сейчас и видим. Если мы говорим о том, что есть, когда кому-то можно, а кому-то нельзя... Действительно, кому-то можно больше по российскому закону. А кому-то, кто хочет, чтобы ему было хотя бы поровну или на равных можно было то, что можно и тому по российскому закону, он идет вот туда, на Кипр, в Англию, в США, когда может.

Кабулаев: В том примере, конечно, российский налоговый орган, когда увидит в учредителях предприятия кипрскую компанию... В любом случае, ее активы-то здесь находятся... Но налоговый орган, когда увидит Кипр в составе учредителей этой ОООшки, которая здесь заводом владеет, к примеру, конечно же, поинтересуется, вообще, сотрудники есть у этого киприота? Работают ли они? Поднимают ли они трубку? Вне зависимости от того, будет ли этот спор между двумя акционерами или нет, это всё равно риск.

Мовчан: Про substance я слышал еще одно замечательное мнение. Когда мы приходим, говорим: «Ну как, сидят ведь портфельные менеджеры на Кипре». Дальше человек из налоговой задумчиво мне сказал: «А они могли бы сидеть в России? Разве нельзя было нанять людей в России? Можно. Значит, схема».

Мотрич: Андрей, всё-таки возвращаясь к вашему конкретному вопросу: я думаю, что со стороны юридической половины аудитории мы, наверное, все сказали, что в текущих условиях — и мы не будем брать «Роснефть» и прочих интересных, где все всё могут понимать и так далее — скорее всего, гражданско-правовая перекалфикация, потеря прав собственности, перераспределение прав по акциям — они в текущем режиме (не буду говорить слово невозможно, но) крайне маловероятны. Да, налоговая схема, как правильно сказали, это вещь... в общем, презумпция нехорошая появилась уже несколько лет. Она появилась как некое давление, например, на собственников разных регионально важных или стратегически важных предприятий, начиная от истории с Домодедово, которая, в общем, была довольно жесткой, до истории по разным стратегическим рудникам, на которых через лицензирующие органы оказывается некое давление, если они опять же в рамках неналоговых, а сугубо корпоративных держатся из-за границы. И они, в общем, вынуждены прислушиваться и вынуждены переходить назад.

А сейчас, естественно, эта вся история с офшорами будет продолжаться сильно, как мы уже говорили, с лагом во времени, к сожалению, но вот когда пойдет этот вал дел по текущему закону, а если ещё и до пятнадцатого года пойдет вал дел, а-ля Северсталь, условно будет поздно немножко что-то делать. Но мода радикально поменяется. Она сейчас меняется, просто пока не клюнула масса людей. Когда это случится, все будут бегать и бояться офшоров гораздо больше, кроме тех, как может быть, мы с вами, кто сейчас fully compliant. Но опять вопрос в том, у кого какие скелеты в шкафу.

Мовчан: Как я уже только что сказал, не очень понятно, что такое fully compliant. И могли ли сотрудники сидеть в России и так далее. Посмотрим... И подождем, когда придет прогрессивное налогообложение. Спасибо огромное всем, очень здорово, расшифровки все мы пришлем, и совершенно честно, всё, что вы не захотите, там не появится. Я надеюсь, что вы захотите как можно больше, чтобы было как можно интереснее. Спасибо большое!